

Человек

(дитя природы и
творение культуры)
(антропологическая драма)

Вступление

Проблема человека, как отражение проблем общества

Великий пролетарский писатель, как его называли в советские времена, Алексей Максимович Горький, описывая жизнь обитателей зловонного «дна», на которое упали прежде благополучные представители российского общества, в начале XX в. написал: «Человек – это звучит гордо». Оптимизм А.М. Горького питала вера в социальную справедливость, которая должна была прийти вместе с революцией.

Прошло более полувека. Над Европой прокатились войны, вызвавшие революции, после которых быт и условия жизни европейского человека неузнаваемо изменились, но время гордости за него не наступает. Наоборот, во второй половине XX в. французский философ Жиль Делёз пишет: «Наше общество производит шизофреников так же, как оно производит шампунь и автомобили, с той лишь разницей, что первых нельзя продать». (Ж. Делёз. Шизо-потоки и погребальная аксиоматика капиталистического социуса. Сборник «Кризис сознания». С. 59.)

Более того, российские философы рассматривают тему «социокультурного кризиса как одну из общезначимых и сквозных тем философии XX в». (История философии. Губин и др.) Наряду с ним философы отмечают и антропологический кризис, который, по всей видимости, является причиной первого.

Ф. Фукуяма считает антропологическое решение проблемы человека *«тупиком, в котором находится мысль в вопросе: что есть человек?»* (Фрэнсис ФУКУЯМА. Конец истории и последний человек. М. 2007. С. 446-448) Люди не могут довольствоваться тупиками, и тогда они изобретают самые фантастические теории. Так появились сторонники теории инопланетного возникновения жизни и сознания на земле, которые вдохновенно вещают о неподдающихся объяснению современной наукой изображениях людей в костюмах космонавтов, наскальных рисунках каких-то, возможно, летательных аппаратов, мегалитических сооружений и прочих древних чудесах. В этих рассуждениях, как будто бы нет ничего плохого, каждый может мечтать о том, что ему нравится. Но никому нельзя запретить критику подобных взглядов. Критиковать эту теорию следует за то, что она унижает достоинство всего человечества, перечеркивая его выдающуюся историю и культуру.

Современные материалистические науки о человеке не могут объяснить, почему распрямивши согбенные от вечных поисков пищи плечи, он стал смотреть в небо и запоминать звезды, создавая астрономию, математику и другие науки, строить пирамиды и дворцы, которые по сей день вызывают восхищение и недоумение; каким образом их мог построить

тот примитивный, по современным меркам, человек, у которого не было данных природой биологических или физиологических предпосылок для неожиданного пробуждения духовных устремлений.

Если исходить из фрейдистских представлений о вечном зове либидо, древний человек не должен был смотреть выше бедер проходящей мимо самки, а он более пяти тысяч лет назад создает письменность. Почему находясь в тисках вечных материальных проблем, он устремляется к поиску духовности, что совершенно не вяжется с нашим временем, когда духовность тонет в болоте изобилия материальных благ. Удобным для ортодоксальных материалистов ответом на многие почему, является теория о палеоконтактах, которая для них многое объясняет. Прежде всего, то, что творцом древнего величия является не мутант обезьяны, а могущественный и таинственный космический разум, если хорошо подумать, то он мало чем отличается от неведомого бога. Сторонники палеоконтактов сами говорят о том, что древние мифологические упоминания о богах-трикстерах не что иное, как свидетельства об инопланетянах.

Теория палеоконтактов очень удобно подтверждает фрейдизм и ницшеанство. Не человечество создало культуру, чтобы возвыситься над природой, а культура, привнесенная извне, тяжкими цепями опутала и придавила людей, расстраивая их психическое и физическое здоровье, доводя до безумия. Поэтому их призывы к уничтожению культуры, а особенно религии и нравственности оказываются как будто правильными и очень злободневными. Еще в начале прошлого века З. Фрейд писал: «...Значительную долю вины за наши беды несет наша так называемая культура; мы были бы намного счастливее, если бы от нее отказались и вернулись к первобытным условиям». (Зигмунд Фрейд. *«Неудовлетворенность культурой»* Вопросы общества. Происхождение религии. «Фирма СТД» 2007. С. 217)

Ницше ратовал за выведение расы сверхчеловека - господина, который объявит войну толпе. З. Фрейд также не отличался уважением к людям: «... Нельзя обойтись без господства меньшинства над массой, ибо массы инертны и неразумны... Только благодаря влиянию образцовых индивидов, которых они признают своими вождями, их можно подвинуть на трудовые достижения...» (Зигмунд Фрейд. Вопросы общества. «Будущее одной иллюзии» (1927) Происхождение религии. «Фирма СТД» 2007. С. 141-142)

Вызывает недоумение, как могли современные либералы, провозгласившие демократию основной ценностью общества, идеи Ницше и Фрейда тоталитарные по своей сути, сделать настолько популярными. Если признать, что современный либерализм это фальшивая идеология, призванная запутать в лабиринтах слов сознание большинства людей, на самом деле преследует одну цель – обеспечить господство богатого меньшинства (собственников) над бедным большинством (наемными работниками) все становится на свои места. Согласно К. Марксу и В. Ленину

это новая классовая политика, призванная обеспечить господство эксплуататоров, в которой на помощь экономическим приходят более изощренные биопсихологические методы классового угнетения.

Для многих людей проблемы ответа на вопрос, что есть человек, не существует, потому что они живут, не затрудняя себя такими не простыми вопросами.

Однако есть люди, профессия которых заставляет не только задумываться о человеческой сущности, но и делать из ответа на этот вопрос выводы, необходимые для ежедневной профессиональной работы. Это педагоги. Современная психология ближе всех наук стоящая к пониманию сущности человека говорит, что он биосоциальное существо, поведение которого обусловлено инстинктами, принесенными из животного мира. С таким объяснением можно согласиться, только возникает вопрос, почему развитие психологии и психиатрии сопровождается опережающим ростом числа психически больных людей, почему эти специалисты в состоянии лишь поставить диагноз, но не могут оказать эффективное профилактическое влияние на психическое оздоровление общества. Почему рост числа психологов в школах не ведет к оздоровлению морально-психологического климата в коллективах, гармонизации отношений между педагогами и учащимися и самими учениками? Современная педагогическая практика показывает, что психологизация образования и поведения детей не снимает проблем воспитания, тем самым показывая несостоятельность этого подхода.

Не менее важен ответ на этот вопрос и для других категорий людей: политиков, предпринимателей и финансистов, деятелей культуры и СМИ. В конечном счете, суть ответа на него заключается в возможности гордиться человеком. Если он живет, движимый инстинктами и рефлексамми, как древняя обезьяна, то чем здесь гордиться, если же им двигают, какие-то высокие мотивы, то предмет гордости существует. Из этого следует и отношение к человеку. Или же большинство людей лишь средство эксплуатации для или же человек нечто другое?

1. Проблема сознания

Разум и духовность

Проблему сознания невозможно отделить от понимания сущности человека. Что есть человек – животное, развившее собственные инстинкты до уровня мыслительного процесса, и вступившее в конфликт с культурой, созданной своей сознательной деятельностью или же это новый этап в развитии живой природы, в котором сознание преобразует в человеке животные инстинкты, создавая новую сущность, ведущую от человека разумного к человеку духовному. Можно и по другому сформулировать вопрос, что дает человеку разум, сознание – добро или зло. Эпоха Просвещения, отрицавшая духовность, как порождение религии, провозгласившая разум и знание главной целью прогресса очень ярко продемонстрировала банкротство этой идеи, так как привела к Французской

буржуазной революции, развязавшей террор, противоречивший всякому здравому смыслу.

В течение всего XIX столетия шло утверждение ценности научного знания и борьба с духовностью, приведшие к трагедии века XX. Две кровопролитнейшие мировые войны, революции, преобразившие мир и закончившиеся полным провалом идей революционного материализма ничему не научили людей, хотя необычайно убедительно доказали, что человек разумный, но бездуховный страшен не только для окружающих людей, природы, но и для самого себя. Количественный рост знаний, развитие интеллекта без наличия духовно-нравственных принципов, направляющих этот интеллект в гуманистическое русло, могут нести вселенское зло.

В поисках определения сущности человека любой исследователь вынужден обращаться в глубь тысячелетий. Исходным моментом этих поисков является ответ на первую загадку человека – его происхождение, в которой главное – отличие от всех существующих на земле существ, в первую очередь животных. Один из предтеч диалектического материализма Л. Фейербах писал по этому поводу следующее *«Человек отличается от животного только сознанием»*. Сегодня существуют теории доказывающие наличие сознания и у животных. Оспаривать это нет необходимости. Жизнь, проявляющаяся в любом существе, не может не иметь сознания, которое обеспечивает его выживание. Совершенно очевидно, что формы и уровни этого сознания различны. Еще в античности возникает идея «мировой души», которая пронизывает весь Космос, наделяя жизненной силой живые существа, и неживую материю, то есть, давая им сознание. У всех живых существ сознание конкретно и имеет предел, ограниченный инстинктами, который они не могут преодолеть, и только человек сумел вырваться за эту преграду и научиться мыслить абстрактно.

Сегодня в проблеме сознания, как и сто лет назад, остаются без ответа два вопроса. Первый, что такое сознание, и, второй, как оно возникло? Дело доходило до курьеза. Историк психологии Мортон Хант пишет о самом известном в мире психологе-бихевиористе Б.Ф. Скиннере (1904-1990) следующее: *«Понимание человеком самого себя, по крайней мере в той форме, в какой его искали философы и психологи столько столетий, вовсе не было целью исследований Скиннера. На протяжении всей своей долгой жизни он крепко держался ортодоксального бихевиористского взгляда, согласно которому такие «субъективные реальности», как разум, мысль, память, рассуждения не существуют, а являются лишь «вербальными конструкциями, грамматическими ловушками, в которые попало человечество в процессе развития языка. Целью Скиннера было не понимание человеческой психики, а определение того, как поведение формируется внешними причинами»*. (С. 335. Хант, М. История психологии. М. 2009)

Такая позиция человека, называвшегося знаменитым ученым, невольно заставляет вспомнить о «церковных мракобесах». Благодаря усилиям бихевиористов до 60-х годов прошлого века психологи изучением сознания не занимались. (Р.Л. Аткинсон и др. Введение в психологию. СПб. – 2007). Доктор психологических наук И.Б. Котова сообщает: «*В современной психологии отсутствует общепринятая точка зрения на феноменологию и теорию сознания. В.П. Зинченко считает, что проблема «Я - сознание» остается в психологии даже не сформулированной*». (Котова И.Б., Канаркевич О.С. Общая психология. Ростов н/Д. 2008)

Зато очень лаконично еще три тысячи лет тому назад сформулирована другая теория возникновения сознания: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою». (Бытие. 2:7) Наука или то, что обозначается этим словом, как беспомощный щенок барахтается в море фактов, которые не в силах истолковать, но проявляет удивительное упорство в отрицании идеи Всевышнего.

Идея Всевышнего

Эту идею критиковали, осмеивали и отрицали все, кому не лень, не желая обращать внимания на то, что форма, в которой она изложена в книге Бытия, никак не противоречит теории эволюции, хотя об этом говорили многие, в том числе и Александр Мень. Он писал: «Язык первой главы Библии – это язык Мифа в высочайшем и священном значении этого слова... Интуитивные прозрения, облеченные в миф, нередко опережают и развитие науки на много веков; для того, чтобы понять ценность этих прозрений, мы должны брать не их преходящую оболочку, но самую суть сердцевину». (Мень А.В. История религии. В 7 томах. Т. 1. С. 87). В мифах Египта и Китая о творении людей, рассказывается, что боги лепили их из глины собственноручно, причем, в Египте использовали даже гончарный круг. А вот что говорит о процессе творения Книга Бытия:

«11. И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя, дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так.

20. И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую, и птицы да полетят над землею, по тверди небесной.

23. И был вечер, и было утро: **день пятый**.

24. И сказал Бог: да произведет земля душу по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так.

26. И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему, и да владычествует они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле.

31. И увидел Бог все, что Он создал, и вот хорошо весьма. И был вечер и было утро: **день шестой**».

Восхитимся интуицией древних авторов. Они, ничего не зная о теории эволюции, которая говорит о том, что жизнь зародилась в воде, вначале населяют живыми существами морские воды, а лишь затем землю, то есть ничем не противоречат эволюции. Выше мы упоминали, что Бог сотворил человека «из праха» земного. Атеисты под прахом понимали ту самую глину, из которой творили людей в других религиях. По-еврейски земля означает адам или человек, но если понимать прах, как материю, из которой создано тело человека, а дыхание жизни, полученное от Бога, как духовную субстанцию – сознание, то почему не использовать ее как рабочую гипотезу, пока наука не сможет внятно объяснить, что же такое сознание.

Процесс творения, показанный, в Библии ничем не мешает науке. Бог выступает в ней в качестве Первопричины, о чем уже давно говорили многие ученые. Авторы Священного Писания даже не пытаются рассказывать о том, как происходило появление и развитие материального мира, тема их рассказа совершенно другая – духовное развитие, включающее нравственное и религиозное сознание; они не покушаются на исследование материи, оставляя для ученых это поле деятельности нетронутым.

На возражения о существовании церковных догматов, идущих вразрез с данными науки, можно привести мнение Гегеля, который писал: «Учение Христа как таковое непосредственно не может быть христианской догматикой, не может быть учением церкви... Основное содержание этого учения может быть только всеобщим, абстрактным». (Гегель. Философия религии в двух томах. Т. 2. М. 1977. С. 280). Споры ученых с церковью чаще всего ведутся вокруг таких догматов, а попытки доказать несущественное значение для нашего времени закона Моисея или заповедей Христа показывают лишь деградацию нравственного сознания таких людей. Как можно отменить заповедь Моисея «не убий» или призыв Христа: «Будьте совершенны, как совершен Отец Ваш Небесный»?

Происхождение сознания

Вопрос о зарождения сознания, а, следовательно, и появления самих людей всегда имел два ответа. О первом, что бог или боги дали его людям, мы уже сказали, а второй еще со времен античной натурфилософии видел его как естественный результат развития человека из животного мира. Особенно он нравился философам-материалистам эпохи Просвещения, а чуть позже его подхватили сторонники эволюционизма. Ф. Энгельс в небольшой статье «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», опубликованной в 1876 году без особых доказательств умозрительно, выдвинул положение, ставшее абсолютной догмой, что именно труд сделал обезьяну человеком. Не трудно догадаться, почему творцом человека Энгельс избрал труд. Эта теория шла в русле идей коммунизма, назвавшего себя научным. Трудовая теория стоимости подвела Маркса к пониманию сущности капитала и эксплуатации человека человеком, а, следовательно, смене общественно-экономических формаций. Соблазнительная идея сделать сферу материального производства

источником духовного развития человечества была продекларирована Энгельсом. Она оставляла на поверхности только голый материализм, а все связанное с духовностью и сознанием объявляло второстепенным, а то и просто не существующим. Далее последовал вывод: «бытие – определяет сознание». Объективность этого тезиса подвергалась сомнению многими учеными. Представляется, что вот это принижение, а точнее не понимание значения духовной сферы, не правильное сочетание духовного и материального стало основной причиной крушения коммунизма в историческом плане, хотя очень многие его положения объективны.

В конце XX столетия появляется третий вариант ответа, который сделали ученые, стряхнувшие гипноз марксистского догматизма. Он выглядит как попытка примирения материалистических и идеалистических взглядов на природу человека.

Современный ученый-религиовед Л.С. Васильев пишет: *«Разум, а не орудия охоты и даже примитивного труда в процессе производства тех же орудий, добывания пищи и защиты от влияния природной среды (использование шкур животных в качестве одежды, строительство элементарных укрытий) поставил точку в сложном и продолжительном процессе очеловечения обезьянолюдей. Но в чем проявился этот разум? Он проявился прежде всего в возникновении элементов духовной культуры. Без этого даже производящий орудия обезьяночеловек остался бы прежним... **Идеи и духовная жизнь, духовная культура стали чем-то первичным, тогда как материальные условия существования стали определяться интеллектом и ментальностью людей**»⁴.*

Далее Л.С. Васильев пишет: *«Религия – отнюдь не случайно появившийся социально-психологический феномен. Более того, вера как форма осмысления мира и религиозные обряды и культы, закреплявшие эти верования и соответствующие им культурные традиции, - это первооснова ментальной культуры человечества»⁵.*

Авторы учебного пособия «Философская антропология», вышедшего в 2008 году, доктора философских наук Губин В. Д. и Некрасова Е. Н. пишут: *«Много лет в исторической науке, антропологии, философии господствовала точка зрения, согласно которой труд сделал человека человеком. Человек поднялся над животным состоянием только тогда, когда стал производить орудия труда, и производство есть его главное отличие от животных. **Однако это положение сейчас представляется неверным:** согласно данным антропологии, примитивные каменные орудия – топоры, дубины – просуществовали почти миллион лет, не подвергаясь существенным изменениям, за это время не было замечено по археологическим раскопкам разных эпох, никакого усовершенствования техники обтесывания камня». Они пишут, что бобры, пчелы и термиты по сравнению с человеком достигли гораздо большего прогресса и по сравнению с ними он выглядел по мнению американского философа Льюиса Мэрфорда «безнадежным неудачником».*

Далее: *«Далеко не всегда при раскопках древних стоянок человека археологи находили орудия труда, но почти всегда – предметы религиозного культа или какие-то образцы примитивного искусства...»*

Человек – существо искусственное, в этом смысле он не рождается природой, он сам себя рождает, творит. Человек должен был пройти через «человекообразующую машину» - через миф, ритуал, чтобы стать человеком»⁸. Из этого можно сделать вывод, что человека создал если не Бог, то религия, так как миф и ритуал – ее элементы.

Итак, человек стал человеком не в результате физического труда, а духовных исканий.

На ранних стадиях первобытного общества разделить жизнь людей на материальную и духовную составляющие невозможно. Жизнь была единой, и люди жили своими мифологическими представлениями, в которых были слиты очень тонкие наблюдения над свойствами растений, повадками животных, явлениями природы и попытки их мифологического объяснения. Представления о сверхъестественном свидетельствовали, что человек не довольствуется ролью забитого и придавленного существа, он пытается разорвать круг своей зависимости от природы с помощью могущественных сил, которые сильнее всех. Более того, он хочет заставить эти силы служить себе. Человеческое любопытство в сочетании с надеждой на выживание и победу над враждебными стихиями заставляет людей смотреть на небо и заселять его богами, одухотворять окружающую природу и воздействовать на нее при помощи магических и колдовских приемов. Наиболее продвинутые становятся шаманами и постигают способы достижения состояния измененного сознания, в котором они могут совершать поступки недостижимые остальным людям.

Оставаясь неотделимой от материального производства, религиозная сфера становится ареной развития сознания и духовности людей. Человек становился человеком не в процессе охоты на животных. Волки, львы, тигры и многие другие хищники тоже очень организованно охотятся, но это не помогло им как-то приблизиться к человеку по уровню сознания. Ф. Энгельс решающую роль в формировании человека отводил труду и изготовлению орудий. Бессмысленно отрицать значение развития орудий труда в борьбе человека за пропитание, но духовное развитие человечества двигали не мастеровые, а мыслители.

Один из учителей Маркса в области философии Людвиг Фейербах обратил внимание на особую сущность религии. Он писал: *««Религия коренится в существенном отличии человека от животного: у животных нет религии». (30) «Человек отличается от животного только сознанием. В существе, в котором пробудилось сознание, происходит качественное изменение всей его сущности»¹. (31)*

Сделав потрясающее по глубине заключение о роли религии, он заканчивает выводом, свидетельствующим об утопичности взглядов на мораль философов первой половины XIX века: *«...Вера в Бога, как*

необходимое условие добродетели, есть вера в ничтожество добродетели самой по себе. Философы, зародившегося материализма, считали, что нравственные принципы могут существовать сами по себе, естественным образом как элементы природы. Дальнейшими рассуждениями Л. Фейербах подтверждает наши предположения: *«Вера в Бога терпит крушение, разбивается о веру в мир, в естественные явления как явления единственно действительные»*³.

Материализм Л. Фейербаха порождает утопический фантом веры в нравственность природы. Ч. Дарвин вывел закон естественного отбора, из которого следует, что природе чужды нравственные свойства. Она не знает милосердия и сострадания, так как главными ее принципами является целесообразность, приспособляемость и превосходство, поэтому для добродетелей в ней нет места. Они существуют только в духовном мире людей. Позже Ф. Ницше сделает вывод о том, что сострадание вообще противоречит закону развития и по этой причине христианская мораль является вреднейшим явлением.

Ортодоксальным материалистам очень трудно признать, что духовная сфера развивается по своим законам, отличным от природных процессов. Они не понимают Людвига Фейербаха, сказавшего, что в существе, в котором пробудилось сознание, происходит качественное изменение всей его сущности. (Л. Фейербах. Избранные философские произведения. Т. 2. С. 31). По этой причине З. Фрейд не хотел видеть, что сексуальный инстинкт, первостепенный у животных не может быть таким же у человека, как и многие современные психологи, ставящие поведенческие реакции выше моральных установок.

Роль духовной культуры

Сознание породило культуру – совершенно неизвестную природе сферу деятельности человека. Культура преобразует природу иногда в лучшую сторону, но с развитием индустрии часто вносит в нее дисгармонию, нарушает баланс и изменяет к худшему. Культура и человек неразрывно связаны, так как, творя культуру, человек творит самого себя, причем процесс сотворчества захватывает как материальную, так и духовную сферу.

С утверждением в обществе материализма в качестве господствующей идеологии, то есть со второй половины XIX века материальная культура сделала гигантский рывок в своем развитии. Но отрицание материалистами духа и духовности в это же время сделали свое черное дело. Наиболее известные философы XX столетия констатировали процесс деградации духовной культуры. Сегодня все философы согласны с наличием социокультурного кризиса. А. Швейцер так и написал: «Я родился в период духовного упадка человечества». (Кризис сознания. С. 5) Карл Манхейм пишет: «... В области моральности и разумности мы в последние десятилетия скорее движемся назад, чем вперед». (К. С. С. 17)

В результате потери духовности у человечества разорвались нити связующие его в единую общность, способную противостоять возрастающим угрозам: экологической, военной, космической, климатической и многим другим. Частный интерес, проповедуемый торжествующим либерализмом, противопоставляет людей, делая невозможным их объединение. Рыночные ценности, а это, прежде всего, полная свобода извлекать прибыль из бедствий основной массы людей, раскалывают человечество на социальные группы, страны, религии, интересы которых непримиримы.

Сегодняшняя социально-политическая и экономическая ситуация в мире говорит, что наступление евангельского Армагеддона приобретает все более зримые черты, если люди не изменят отношение к самим себе. Не нужно искать душу и духовность в клетках мозга, как искали Бога в облаках, она видна невооруженным глазом, достаточно посмотреть на поведение окружающих нас людей, которых наука настойчиво убеждает, что они животные. Доказать существование Бога и души научными методами невозможно и не нужно. Неоспоримо одно, каждого человека отделяет от другого его неповторимая индивидуальность, которая проявляется не только в психологических, биологических и физиологических характеристиках, но и в неповторимости духовного и душевного склада, который зависит главным образом от воспитания, от культурной среды, в которой развивался данный индивидуум. Культура и духовность, так же тесно связаны, как Пушкин и поэзия. Какая наука или какой ученый сможет объяснить, почему именно ему досталась искра Божия и он стал русским гением? Не все можно потрогать, взвесить и сосчитать, но отсутствие новых гениев и падение духовной культуры явно видны. Религии уже давно ответили на вопрос, что есть душа, теперь дело за психологами. Мы попытаемся осветить другую проблему, как культура, в первую очередь философия, в течение письменной истории человечества влияли на духовный мир людей и их представления о своей сущности. Обратит внимание на страшную угрозу, которую несет человечеству самоидентификация людей с животными.

2. Человек – дитя природы

Мироощущение язычника

Легенда о золотом веке, существовавшем на заре человечества, живет до сих пор. Людям очень приятно осознавать, что когда-то наши предки были гораздо добрее и приличнее чем мы. В начале Нового времени рождается легенда о благородном дикаре и общественном договоре. Читателей, к сожалению, придется разочаровать. Не было благородных дикарей и общественных договоров.

Самоощущение своей кровной связи с животным миром не могло рождать у древнего человека никаких благородных чувств. Он, прежде всего, хотел кушать, а так как растительная пища плохо утоляет голод и он не был вегетарианцем, то должен был убивать, охотясь на других животных. Охота была занятием ненадежным, да и делать совершенные орудия человек

научился довольно поздно, поэтому убивать приходилось все, что ходит, ползает или летает. Это потом появляются пищевые запреты, а вначале нужно было думать только о том, как выжить. Считая себя и других такими же животными, как и все остальные, люди не видели причин, по которым нужно было отказываться от употребления в пищу других людей.

В последние десятилетия появилось много биологов, доказывающих, что существуют на генетическом уровне запреты на употребление в пищу особей одного вида, в том числе и среди хищных млекопитающих. Пусть такие теории останутся на совести их создателей, но хорошо известны факты, когда волки поедают раненого собрата. Приходилось видеть сюжеты на телевидении, показывающие как в джунглях взрослые шимпанзе охотятся на молодых из другой стаи и поедают пойманных, а самка белого медведя спасает детенышей от самца, который их может съесть. Сообщалось, что во время брачных схваток между тиграми погибает до двадцати процентов молодняка. Крупные хищники не охотятся друг на друга, скорее не по причине генного запрета, а выработанного десятками тысячелетий инстинкта, что в такой охоте неизвестно, кто окажется добычей. Они хотят жить и избегают схваток, не желая подвергать себя смертельному риску, так как в условиях жаркого юга или просто лета даже не очень серьезная рана, став источником проникновения в организм инфекции, может привести к гибели, с этой целью метят территорию, предупреждая собрата о возможности нежелательной встречи.

О каннибализме имеется много свидетельств древних авторов, впрочем, в сети интернет подобные сообщения появляются регулярно. В современных цивилизованных странах, в том числе и в России, постоянно кушают кого-нибудь полностью или по частям, в оплоте демократии США среди бела дня набрасываются на человека и у живого начинают пить кровь. Эти дикие случаи можно объяснить как результат современной системы образования, которая прививает молодежи взгляд на самоидентификацию человека с животным. На такие поступки не способен духовный человек, их может совершать только человек-животное, человек-хищник.

Другой важнейшей проблемой, стоящей перед людьми с глубокой древности является проблема продления рода. Люди понимали, что продление жизни рода или деторождение – настоятельная необходимость, для сохранения преемственности и выживания поколений. Все, что связано с рождением и смертью они окутывают мистической тайной. Возникают ритуалы сакрализации ритуалов зачатия, рождения и смерти. З. Фрейд считал сексуальный инстинкт относящимся к «принципу удовольствия», с ростом ребенка, замещаемым «принципом реальности». Древний человек рассматривал сексуальность как способность к воспроизводству рода, то есть продления жизни, а не поиски удовольствия, поэтому целью секса было деторождение или «принцип реальности». Следы этого понимания сексуальности рассыпаны по всему Ветхому Завету. Фаллические ритуалы, оргиастические культы возникли не для удовлетворения сексуальных

фантазий своих последователей, а для стимуляции плодородия земли, приплода животных и рождения детей. Заботясь о благе древних евреев Иегова обещает: «Благословен ты будешь больше всех народов; не будет ни бесплодного, ни бесплодной, ни у тебя, ни в скоте твоём». (Второзаконие 7:14)

Это позднее с появлением рабовладения, когда человек становится игрушкой в руках другого, секс принимает характер удовольствия, и появляются сладострастные извращения. Даже греки считали, что гомосексуальная любовь не была присуща древним людям, а придумана легендарным Орфеем, потерявшим Эвридику и в утешение обратившим внимание на мальчиков.

Культ предков тесно связан с заботой о продолжении рода, так как если исчезнут наследники, кто будет чтить умерших отцов? Не смотря на то, что у некоторых народов стариков съедали, люди руководствовались принципом реальности, в той или иной форме культ предков существовал у всех народов.

Другим важнейшим свойством древних людей был первобытный коллективизм. Ему присущи несколько свойств. Во-первых, признание людьми только членов своего рода, все чужие нелюди, с которыми можно делать, что угодно. Во-вторых, интересы рода важнее интересов отдельного человека. И в этом проявлялся «принцип реальности». В одиночку человек выжить не мог. Он обязательно был обречен быть съеденным хищниками или другими человекообразными. В третьих, люди с древности имели иерархическую организацию, в которой отношения регулировались не каким-то мифическим «общественным договором» между правителем и народом, а «правом сильного», идущим из животного царства, в котором вождь поддерживает порядок в стае силой, со временем сила начинает опираться на традиции и табу – элементы духовной культуры.

Принципы языческого мировоззрения

Для того, чтобы жить по законам, идущим из живой природы, нужно ощущать себя хищником, поэтому необходимо иметь соответствующее мироощущение или мировоззрение. Это мировоззрение формируется в рамках языческих религиозных представлений. Мы не будем употреблять сравнительно новое слово политеизм, так как слово язычество еще с раннехристианских времен означает не только способ богочитания, но и образ жизни, а также отношение к окружающей действительности, то есть мировосприятие. Рассмотрим главные принципы, которые лежат в его основе и являются для язычника правилами жизни:

1. Культе силы. Страх и насилие

Сила была и является в животном мире главным фактором, позволяющим успешно решать проблему существования и продолжения рода. Психологи считают эти два инстинкты главными не только для животных, но и людей. Только духовный человек может поставить верность идее, идеалам или принципам выше собственной жизни.

Сила дает животному возможность получать пищу в первую очередь и есть досыта. Она же позволяет ему спариваться с наибольшим числом самок. Сила вожака-самца охраняет стадо от других хищников. У любых стадных животных сила является средством поддержания порядка и иерархии, она внушает страх, который является единственным мощным средством для господства над слабыми. Сила и страх позволяют сделать насилие главной формой отношений между людьми, которое вытекает из их неравенства как физического, так и социального, а в наше время интеллектуального и психологического. В современном мире используются все четыре упомянутых формы насилия, особенно популярными стали две последние, так как позволяют делать его незаметным.

2 Презрение к ближнему

Для того чтобы вызывать у окружающих страх и принуждать их выполнять свою волю, сильный должен презирать слабых и не ставить их ни во что, иначе его перестанут бояться. О возврате к такому сверхчеловеку мечтал Ницше. Благодаря презрению к другому появилось рабовладение, а затем и феодализм. Капитализм, делающий погоню за деньгами главной целью жизни, не возможен без равнодушия и презрения к положению другого человека. Такие нравственные качества, как совесть и стыд мешают бизнесу, накоплению богатств. Человек должен становиться диким хищником, чтобы преуспеть в делах.

3. Материальное выше духовного

Человек, подавляющий других при помощи страха и насилия, не может ставить своей целью достижение каких-то высоких идеалов. Сила может давать ее обладателю только утилитарные вещи – деньги и власть и не способна добавить ему ума, дать совесть или же породить благородные движения души. Все великие революции, ставившие благородные цели, достижение которых планировалось при помощи насилия, захлебывались в крови и, в конечном счете, не соответствовали провозглашенным идеалам, так было во Франции в конце XVIII в. и в России в начале века XX.

История знает кровавых деспотов, бывших меценатами поэтов, художников, скульпторов и других людей искусства, но они это делали, как правило, чтобы утолить свое тщеславие, подчеркнуть богатое убранство дворцов и роскошь обстановки, а не для осуществления каких-то благородных целей.

4. Секс выше любви

Сексуальный инстинкт присущ животным и людям в одинаковой степени. Возможностью для его наибольшего удовлетворения обладают наиболее сильные самцы. Библия приводит пример сексуального поведения человека-самца. Человек, вошедший в века как образец мудрости, легендарный царь Соломон имел семьсот жен и триста наложниц. Помнил ли он их по именам? Имел ли он семью? Конечно, нет. Библия рассказывает, что еще при жизни царя против него начинают выступать недовольные, а после его смерти Израильское царство распадается на два. Мудрейший царь

Соломон не смог из числа многочисленных наследников, рожденных от жен разных национальностей выбрать достойного, способного стать продолжателем его дела.

Древний Восток не смог создать моногамной семьи. Он знал только полигамные браки. Такие браки основаны на деспотической власти мужа, так как принудить нескольких женщин делить одного мужчину можно только силой, предусматривающей беспрекословное повиновение. Иначе управлять гаремом, состоящим из десятков, а то и сотен женщин было невозможно. Для руководства гаремом назначались евнухи. Сын властелина мог видеть своего отца, у которого было много жен и детей, очень редко, причем с большого расстояния и выпитывал с молоком матери рабскую покорность перед его властью. Материалисты говорят о «восточной деспотии» как форме правления, вызванной общинным землепользованием и другими особенностями хозяйственной деятельности, а может быть стоит рассмотреть вопрос о влиянии на этот процесс семейного воспитания?

Иное дело родина демократии Греция, утвердившая моногамную семью, в которой власть отца была громадна, но он был рядом с ребенком с момента рождения. Между супругами, родителями и детьми, а также самими детьми возникали отношения, в которых на смену страху приходили любовь и уважение. Какие силы вели Одиссея к Пенелопе через многочисленные трудности, если не любовь? А чем было вызвано желание жены философа Сенеки Паулины принять смерть вместе с мужем, если не любовью? Аристотель первым увидел в моногамной семье основу государства и обратил внимание на необходимость воспитания у женщин достоинства, потому что только достойные женщины могут воспитать достойного гражданина, что является главной задачей семьи. Семье, основанной на любви, как институту, ответственному за рождение и воспитание здорового и гармоничного человека, не придается должного значения до нашего времени. По-прежнему слово любовь, прежде всего, ассоциируется с сексом, но не с семьей.

5. Суеверие господствует над верой

Древний человек был не только неразрывно связан с природой, он считал себя неотделимым и от невидимого мира – мира духов. Для того чтобы жить с этим миром в ладу, он придумывает множество ритуалов, призванных обеспечить поддержку этих невидимых сил. Более того, он хочет заставить их служить себе. Эти невидимые силы нужны людям не только, чтобы противостоять грозным природным стихиям, несущим землетрясения, ураганы, наводнения, но и противодействовать сильному. Помните у А.С. Пушкина: «Волхвы не боятся могучих владык...» Колдовство, магия уравнивают физически слабого и сильного. Более того, они дают слабому надежду на возмездие. Все вместе подобные ритуалы и связанные с ними надежды называются суевериями.

Современный толковый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой говорит, что «вера – абсолютное признание догматов религии, религиозных

преданий и обрядов». Подобное определение страдает материалистической ограниченностью, так как и язычник верит в силу колдовских заклинаний абсолютно. Вера Христа совершенно другая, чем суеверие язычника. Христос впервые обращает внимание на психологический феномен веры. Он спрашивает всех больных, просящих его об исцелении, верят ли они в его способность исцелить их? Получив утвердительный ответ, он говорит: «По вере вашей, да будет вам». Понимание значения веры раскрыто Иисусом Христом в словах о том, что имеющий веру с горчичное зерно будет передвигать горы. Отсюда следует, что исцеляет не только он, но и вера в его способность исцелять. Вера – это не просто надежда на чудо, но труд души, требующий стойкости и верности. Такая вера язычникам еще не известна.

Суеверие не требует от человека, каких-либо нравственных усилий, а необходимо ему для достижения определенных корыстных целей. Другое дело вера. Она неотделима от безусловной преданности высшим нравственным идеалам и следования им. В подлинной вере человек не ищет личной выгоды, она не совместима с ней. По этой причине подлинно верующих людей было очень мало за всю историю христианства.

6. Ложь важнее правды

Язычество ставит личные материальные интересы на первое место, а боги служат лишь средством для их достижения, поэтому правда часто мешает, так как не может быть использована в корыстных целях. Заведомая ложь и целенаправленный обман выступают средствами достижения корыстных целей, выгоды.

7. Добро и зло не имеют принципиального отличия

Для язычника не существует нравственных идеалов, по этой причине у него отсутствует понимание принципов добра и зла, они конкретны. Добром является все, что приносит ему пользу, а злом все, что вредит. При этом интересы других людей совершенно не учитываются. Такое положение закрепляется в религиозных верованиях, в которых боги делятся на добрых и злых, но язычник с одинаковым усердием должен почитать тех и других.

Такое ощущение мира язычник почерпнул из природы от своих первобытных предков. Оно сохранилось до наших дней. В XX столетии многие философы различных философских направлений стали доказывать правомочность подобных воззрений. Однако еще в глубокой древности зарождавшаяся философия по-другому смотрела на предназначение человека.

3. Самопознание человека в древности

Тотемизм

Стремление найти корни своего происхождения было присуще человечеству с глубокой древности. Дошедшие до нашего времени сведения говорят о том, что доисторический человек видел свою непосредственную связь с животным миром и происхождение вёл от животных, что нашло отражение в религиозном веровании, названном тотемизмом.

Тотемизм – это вера в существование родственной связи между какой-либо группой людей (племя, род) и определенным видом животных или растений. Жизнь родового коллектива была теснейшим образом связана с определенными видами животных, на которых охотились его члены. Как предполагают ученые, это обстоятельство послужило основой для возникновения тотема – животного-предка или его символа, считавшегося покровителем рода.

В более поздние времена в тотемизм были привнесены элементы кровнородственных отношений. Члены родовой группы стали верить в то, что они произошли от предков, сочетавших в себе признаки людей и их тотема. Это вело, с одной стороны, к усилению культа предков и веры в их особые возможности, а с другой – к изменению отношения к самому тотему, в частности, к появлению запретов на употребление тотемов в пищу, за исключением тех случаев, когда поедание тотема имело ритуальный характер и напоминало о древних нормах и правилах.

Тотемизм сыграл огромную роль в формировании родового общества, так как способствовал отделению сородичей от остальных родов, путем возникновения четкого представления о своих, на которых распространялись выработанные предками строгие нормы и обычаи; и чужих, которые не подчинялись этим нормам.

На базе тотемизма возникла целая система запретов, которые назывались табу. Они были предшественниками законов, появившихся гораздо позднее. Одним из первых появилось половозрастное табу, которое исключало половые связи между близкими родственниками. Духовное родство между людьми и животными имело далеко идущие последствия. Человек, ведущий свою родословную от хищника, стремился заимствовать его звериные повадки и строил отношения с другими людьми как зверь.

Вот что пишет по этому поводу Мирча Элиаде: «Члены индоевропейских военных союзов и кочующие всадники Центральной Азии вели себя в отношении оседлого населения, на которое они нападали, как хищники, – преследуя, душа и пожирая степных травоядных или домашний скот. Многочисленные индоевропейские и тюркско-монгольские племена носили эпонимы (название) хищных зверей (прежде всего волка) и вели свое происхождение от мифического предка».

Древний Египет

Неразрывная связь в сознании людей с животным миром приводила к появлению нравственных норм, которые людям христианской культуры кажутся ненормальными. Французский египтолог А. Морэ так характеризует тотемизм в Древнем Египте: «Тотем защищал своих потомков. Кровная связь, существовавшая между ним и племенем считалась действительной, а не фиктивной. Периодически женщина из клана совокуплялась с тотемом. Геродот сообщает, что в Мендесе в его время священный козел сошелся с женщиной; Страбон и Диодор, описывают аналогичные случаи, имевшие место в Мемфисе и в Фивах. Этот обычай практиковался и в Риме во

времена Тиберия в храме Анубиса». (Анубис - бог имевший образ шакала или дикой собаки). (Морэ Александр. Египетские мистерии. М. 2009) Такие ритуальные совокупления переносились и на повседневную жизнь, в которой секс с животными рассматривался как совершенно нормальное явление.

А. Море отмечает, что именно в Египте начался переход от обожествления животных к обожествлению человека. Он осуществлялся как передача божественных свойств животного человеку. Главным священным животным в Египте был сокол, которого звали Хор или Гор, символизировавшего божественное происхождение царской власти. Другим богом египтян, имевшим образ сокола, был бог солнца Ра, сотворивший мир из первоначального хаоса и плававшим по дневному небу в солнечной лодке. Для рождения нового дня Ра, пребывавший ночью в подземном мире, должен был сразиться со злым змеем Апопом и победить его.

Позднее бога Ра связали с Осирисом, которого стали изображать с солнечным диском на голове. Считалось, что Осирис отучил людей от каннибализма и дикости, научил сеять злаки, сажать виноград, выпекать хлеб, добывать и обрабатывать медь и золото. Другими главными богами Египта были Исида – жена Осириса и мать Хора, считавшаяся образцом жены и матери и изображавшаяся в виде коровы или с ее рогами. Сет – воплощение зла, убийца брата Осириса и соперник Хора имел своими священными животными свинью, антилопу, жирафа и осла. Изображался на рисунках человеком с тонким длинным туловищем и головой осла.

Египтяне считали фараона воплощением Хора, и это имя было первым из пяти его ритуальных имен. «Сокол прежде всего предстает в качестве царской инсигнии (знак высшей власти); его выносили на штандарте впереди царя (и только одного царя) в процессиях в честь военных побед или во время царских праздников. Изображения представляли его сражающимся за царя – хватающим его врагов или приводящим к нему пленных. Таким образом, сокол был гением-хранителем царя. В этой роли его изображали летящим или сидящим, прикрывающим распростертыми крыльями затылок царя». (С. 95)

Постепенно образ Хора наделяется глубоким символизмом. Его глаза начинают символизировать солнце и луну. Еще с периода первой династии (2775-2525 до н.э.) Хор становится антагонистом бога Сета. В мифе об Осирисе, распространившемся приблизительно к 2350 году до н.э., Хор был его сыном и противником Сета, который убил его отца и хотел лишиться наследства, но Хор побеждает, тем самым показывая торжество справедливости. Греки отождествили Хора с Аполлоном.

Образ царя и хищной птицы в сознании подданного сливались в едином символе силы и могущества, призванного устрашить и повелевать. «Будучи соколом или богом, царь обладал самыми широкими привилегиями и всей полнотой власти; он распоряжался жизнями своих подданных и всей земли. Со свитой, состоящей из животных, укрощенных его чарами, с уреем

(изображение кобры) на голове, с соколом или коршуном, прикрывавшим его затылок своими крыльями, сопровождаемый львом, фараон представлял грозным и внушавшим ужас... Представ перед царем, подданный закрывал лицо руками, падал ниц и не решался говорить, пока не получал на то разрешения». (102-103)

Александр Морэ отмечает, что сокол был не единственным тотемом-символом древнеегипетских племен; среди них встречаются: баран, собака, лев, слон, бык, ибис, сова, гадюка, скорпион, скарабей - все эти животные вошли в пантеон египетских богов.

Исследователь египетской мифологии Макс Мюллер весьма скептически отнесся к духовному развитию древних египтян: «... Египтяне не могут одарить нас мудрыми наставлениями или вступить в соревнование с философией греков или индусов или хотя бы с более систематически мыслящими вавилонянами, чрезвычайно примитивный характер их веры делает ее наиболее ценным и необходимым источником информации для тех, кто хочет изучать происхождение и развитие религии». (М. Мюллер. Египетская мифология. М. 2006. – 257 с.) Он считает, что: «Современных читателей следует предостеречь против слепого принятия этой слишком завышенной оценки (египетской религии), так как она в значительной степени основана на чрезмерной непонятности египетской религии, которая в своем консерватизме абсолютно отказывалась приспособливаться к здравому смыслу. Даже страх за умирающее язычество не мог заставить привести в рациональную систему бесконечное число богов и их противоречивые действия или найти оправдание жестокости такой стороне египетской веры, как поклонение животным». (Стр. 11)

Слова о примитивности и жестокости веры древних египтян, сказанные покойным профессором, висят в воздухе, когда мы начинаем читать Книгу Мертвых. Как указывает сам М. Мюллер (стр. 13) тексты, позднее вошедшие в эту книгу, появились еще до 3000 г. до н.э., то есть за 2500 лет до расцвета греческой философии и за 1500 лет до прихода ариев в Индию.

Другой исследователь культуры Древнего Египта Э.А. Уоллис Бадж (Египетская Книга Мертвых. М. 2005. С. 312) пишет: «Со временем менялись формы верований и характеристики богов, но стержневое учение Книги Мертвых в целом, т.е. вера в бессмертие всегда оставалось неизменным». Он перечисляет основные положения древнеегипетской религии, к которым относит: 1) веру в бессмертие души; 2) веру в воскрешение духовного тела; 3) веру в неизбежность Суда, который решит будет ли душа умершего жить или будет уничтожена. В Книге Мертвых кроме понятия души, воскрешения, высшего суда вводятся понятия зла, греха, а в ряде Папирусов дается кодекс нравственного поведения, названный «Признание в несовершении грехов». (С. 546) К ним относятся: зло, грабеж, жестокость, воровство, убийство, обман, дурные слова, гневливость, прелюбодеяние, гомосексуализм, оскорбление, насилие,

богохульство и святотатство, болтливость, оскорбление властей, дерзость и др., которые полностью или частично вошли в закон Моисея. В своей исследовании о Книге Мертвых У. Бадж упоминает понятие «саху», имевшемся в египетской религии и обозначавшее «духовное тело», в которое «облачались все духовные, интеллектуальные и ментальные составляющие и свойства человека после смерти материального тела». (748) Одно это понятие не позволяет назвать веру египтян примитивной.

В Книге Мертвых содержится такая молитва: (С. 355)... «Так пусть же мои прегрешения отступят от меня, и пусть они опустятся на ладони бога Истины и Правды. Уничтожь злые деяния, которые во мне, а вместе с ними мою греховность и коварство». Считать подобные признания свидетельством примитивности веры может только человек, предубежденный против нее.

Исследовательница Древнего Египта Маргарет Мюррей хоть и прославилась своими работами в сфере магии и колдовства, тем не менее, книге о Египте дала название «Величие Древнего Египта», в ней она пишет: «Египтяне опережали современников в разуме и духе, составных элементах цивилизации» (С. 11). В главе «Положение женщин» она обращает внимание на интересный факт, возможно, подтверждающий существование у этого народа в глубочайшей древности матриархата: «Египетской женщине, как и в любой другой стране, воздавалось должное как продолжательнице рода, «владычице дома», но в Египте она к тому же обладала особым положением, поскольку вся земельная собственность переходила по наследству по женской линии, от матери к дочери... Муж пользовался собственностью только при жизни жены, а после ее смерти в права собственности вступала дочь... Брак с любой наследницей, вне зависимости от кровных связей гарантировал фараону трон... Возраст жены не имел значения... В случае смерти главной жены фараон сохранял власть, поскольку уже был женат на следующей наследнице... После смерти царя его преемник тоже женился на всех наследницах...

Рамсес II женился на царице Иситнофрет, которая родила ему дочь Бент-Анат, тоже ставшую женой Рамсеса II; Бент-Анат умерла бездетной. Матерью Рамсеса была Туйа, и надпись на ее статуе гласит: «Мать царя, которая родила могучего быка Усермаатра, божественная супруга, великая супруга царя, которую он любит... У Рамсеса было две дочери, обе ставшие его женами». (С. 107-109)

М. Мюррей объясняет, как система египетского престолонаследия породила миф о неотразимой красоте Клеопатры. Захвативший Египет Юлий Цезарь, женившись на царице Египта, стал единоличным правителем этой страны, а не римское государство. Его примеру последовал Антоний, наличие у него жены в Риме по египетским обычаям не являлось препятствием. Даже молодой Октавиан намеревался продолжить череду этих браков, но Клеопатра больше не пожелала быть игрушкой в руках римлян.

Широко распространенные инцестуальные браки египетских фараонов были отражением языческих представлений о нравственности.

Во многих греческих источниках упоминается, что египетские жрецы передавали свои знания греческим философам, вошедшим в историю, как выдающиеся мыслители. Если египетская вера была такой примитивной, как пишет М. Мюллер, то чему же учились у них греки?

Мы можем только предполагать, что скоропалительные реформы религии, проведенные фараоном Аменхотепом IV (Эхнатон), в XV в. до н. э., то есть почти за тысячу лет до расцвета греческой философии заставили жрецов законсервировать внешнюю форму культа, прежде всего поклонение животным, развивая духовное содержание за счет символизма.

Сравнивая египтян с другими народами М. Мюррей отмечает: «Они были нравственными людьми, и, хотя, как и у всех народов на земле, у них не все получалось, их действия, по крайней мере, показывают, что они приближались к своему идеалу более последовательно, чем их соседи и современники и даже те народы, которые пришли за ними, и поэтому от них можно было ожидать большего. Сравните хотя бы отношение египтян к племенам, которые они завоевали в Палестине, с отношением израильтян, захвативших те же народы; или с жестокостью ассирийцев, которые убивали захваченных людей вне зависимости от возраста и пола». (С. 11-12)

В религии египтян причудливым образом переплетаются древние тотемические представления и ритуалы, объединяющие человека с животными, и необычно высокие для языческой религии духовные прозрения. На ум приходят древние откровения о «профанном» и сокровенном (эзотерическом) характере сакральных знаний. Связь с миром животных, наделивших богов своими чертами, как бы предназначалась для простого неграмотного народа, а высокий символизм мифов для просвещенного жречества, открывшего основы наук, знавшего движение светил по небосводу. Не случайно создателем мира считался не сокол, а бог солнца в его образе.

По образу и подобию

Л. Фейербаху принадлежат замечательные слова о сути человека и образе Бога. (Сущность христианства. Стр. 42.) «Бог человека таков, каковы его мысли и намерения. ***Сознание бога есть самосознание человека, познание бога – самопознание человека.*** О человеке можно судить по богу и о боге по человеку».

Материалист Фейербах (1804-1872), рассматривая место религии в сознании человека, уловил между ними очень существенную связь – взаимную обусловленность. Его учитель Гегель (1770-1831) рассматривал религии в диалектическом развитии, называя это развитием духа, посредством которого тот приходит к самопостижению. В концепции Гегеля самым интересным является то, что история религии для человечества является историей развития его духовности. В соответствии с этим подходом Гегель строит свою классификацию религий, в которой выделяет три уровня

развития религии: 1) самый ранний - природные или естественные, куда относит все известные в его время языческие религии; 2) к среднему уровню он относит духовно-индивидуальные – иудаизм, религии древних греков и римлян; 3) абсолютная религия – христианство, которое является вершиной развития духовности. Гегель понимает несовершенство своей классификации и добавляет к характеристике некоторых религий определения их духовной направленности. Так, большинство естественных религий он называет религиями «чародейства», религию Китая – религией меры, Индии – религией фантазии, зороастризм – религией добра и света, Древней Греции – религией красоты и, наконец, абсолютную религию он называет религией истины и свободы.

Современные исследователи к недостаткам гегелевской классификации относят ее христианоцентричность. Они совершенно не берут во внимание, что диалектические построения Гегеля прослеживают путь от простого к сложному, от низшего к высшему и, христианство, являясь абсолютной религией, то есть вершиной развития духа не может не находиться в центре его рассуждений.

Страх и сила

Английский исследователь Джеймс Веллард, как бы развивая мысль Л. Фейербаха, говорил о религиях Древнего Мира следующее: *«В подобных религиозных системах природа самих богов – главная характерная черта, и, если боги жестокие, жадные, безжалостные и несправедливые, их последователи приобретают те же качества. Это видно на примере многих языческих религий. Классический пример – финикийский культ Ваала, пожирателя детей. И, напротив, там, где люди облагораживали своих богов (как, например, греки облагородили своего Аполлона, изначально бывшего разрушителем), их собственный образ жизни становится мягким и гуманным...»⁹*.

В настоящее время очень трудно понять, почему одни народы, например, греки пошли по пути гуманизации религиозных верований, а другие, финикийцы – по пути изуверства. Главной отличительной чертой между этими путями развития религий, а следовательно и духовности людей является наличие человеческих жертвоприношений.

Среди ученых существует мнение, что человеческие жертвоприношения и ритуальный каннибализм существовали у земледельческих народов, а кочевники: скотоводы, охотники и рыболовы их избежали. В доказательство приводится пример христианского причастия, во время которого верующие символически «вкушают» частицу плоти Христа. Возможно, это верно для Евразии, но как быть с сообщениями о поедании каннибалами своих соплеменников, которые недавно пришли с острова Папуа Новая Гвинея и периодически приходят из других благодатных мест тропического Юга.

Стремление положить в основу развития религиозных представлений трудовую деятельность людей лежит в русле материалистических

представлений, но как объяснить с этой точки зрения ритуальные совокупления женщин с животными в Древнем Египте? Совершенно ясно, что такие ритуалы идут от тотемистических представлений о кровной связи данного племени с конкретным животным и к труду никакого отношения не имеют. З. Фрейд и другие представители психоаналитической школы много внимания уделили связи тотемизма с установлением табу в сексуальной сфере, но была и несомненная связь тотемизма с развитием религиозных и духовно-нравственных представлений. Люди до сих пор избирают своими символами животных или растения, для этого достаточно посмотреть на флаги различных государств и мы увидим настоящий зоопарк, состоящий, в основном, из свирепых хищников, призванных устрашать врагов.

Религию греков Гегель назвал религией красоты. Несмотря на имеющиеся возражения он прав. В отличие от большинства религий древности олимпийские боги имеют человеческий облик. Стремление греков придать богам идеальные черты пошло у них, как и у подавляющего большинства язычников по линии не духовного, а физического развития. Их боги, как правило, являются образцами физического совершенства, что не делает их идеалами нравственными.

На духовном пути человечества к гуманизму заслуга греческой религии состоит в том, что она очеловечила звероподобных языческих богов и помогла человеку осознать, что бог это не какое-то свирепое чудовище, а внешне подобен ему. Один из самых удивительных народов древности сделал своим богом Аполлона «лучезарного», златокудрого, сребролукого бога, охранителя стад, посылавшего солнечный свет, который символизировался его золотыми стрелами, предводителя и покровителя [муз](#), наук и искусств, бога врачевателя, покровителя путников и мореходов, предсказателя будущего. Из глубокой древности пришли мифы об Аполлоне, как воинственной силе, но чем дальше проходило времени, тем больше в нем преобладали созидательные начала. В качестве предводителя муз Аполлон не имеет аналога у других народов.

Религия греков не мешала им быть отважными воинами, заселить многочисленные колонии, создать основы наук, великое искусство и философию, но они не стали завоевателями и создателями империи, как римляне. Александр Македонский хоть и распространил греческое влияние и язык по трем континентам, заложив начало эллинистической культуры, был сыном не свободного грека, а македонского царя.

Интересно, что от любовных связей греческих богов с земными женщинами рождались герои, а не чудовища как у других народов.

Ваал - пожиратель детей

Ответить на вопрос, почему у финикийцев бог Ваал в трудную для страны годину требовал человеческие жертвы, причем его аппетит могли удовлетворить только сыновья из самых знатных карфагенских семейств, можно только гипотетически. Когда приходило время великой жертвы, карфагеняне с радостными лицами отдавали детей на съедение богу.

Радоваться полагалось оттого, что процесс удовлетворения жестокой похоти Баал-Хаммона считался событием праздничным. Жертвоприношение совершалось следующим образом (по Диодору Сицилийскому): «У карфагенян была медная статуя Сатурна, протягивающая вперед ладони рук, наклоненные к земле так, чтобы мальчик, которого на них клали с целью жертвоприношения, соскользнул и упал прямо в глубокую огненную печь».

Дикий обряд прибавил немало дурной славы Карфагену и являлся одним из оправданий для римлян, стерших город с лица земли. Считалось, что римляне придумали его, оправдывая свою жестокость. Однако в новейшее время археологи обнаружили в подвалах храма богини Тиннит большое количество керамических сосудов с прахом младенцев. Такие же погребальные урны во множестве найдены при раскопках других пунийских городов и на кладбище Карфагена. Отличительной чертой финикийских культов была храмовая проституция. Весьма запашистый букет из человеческих жертвоприношений в сочетании с проституцией.

Римская волчица

Легенда о том, что основателя Рима Ромула вскормила волчица, наводит на размышления о кровной связи между повадками этого животного и характером римского государства, который укладывается в определение – хищный. Вся история этого государства была непрерывной историей войн. Вначале за создание государства, а затем за его сохранение.

Источники показывают, что в трудные времена римляне пытались добиться благосклонности богов изуверским способом. Один случай описывает Тит Ливий. В 216 году до н. э. римляне потерпели поражение при Каннах. В дополнение к этому несчастью сразу две весталки, Отилия и Флорония, были уличены в блуде – последнее событие для богобоязненных римлян было едва ли не страшнее поражения в битве с Ганнибалом. Одна весталка покончила с собой, а вторую, по традиции, живой закопали в землю около Коллинских ворот.

Другой автор, Плутарх, также пытается смягчить недостойные деяния римлян: «Обычно избегающие всего варварского и чужестранного и в своих суждениях о богах следующие насколько это возможно, греческой умеренности римляне тут, когда вспыхнула эта война, вынуждены были покориться неким прорицаниям в Сивиллиных книгах и на Бычьем рынке зарыли живьем в землю двоих греков – мужчину и женщину – и двоих галлов – тоже мужчину и женщину; по этой причине и до сих пор совершаются в ноябре тайные священнодействия, видеть которые грекам и галлам воспрещено».

Мы не будем говорить об отношении римлян к рабам или о боях гладиаторов они красноречиво указывают на хищнические нравы этого народа. Плутарх указывает на благотворное влияние греческой культуры на смягчение нравов римлян и не будь его, они, возможно, ничем бы не отличались от карфагенян.

Жертвы богам

Рассматривая религии с позиций присущих им этических воззрений, в значительной степени определяющих нравы своих последователей, можно увидеть довольно четкое их разделение на гуманистические и антигуманистические. Важнейшим критерием для такой классификации является характер приносимых жертв. В ряде восточных религий в жертву богам приносятся благовония и лепестки цветов, что отражает их характер. В то же время до наших дней дошли культы (сатанисты), в которых лучшей жертвой является человек, особенно невинный младенец.

Яркий пример связи религии с нравами людей существует в Месопотамии. Через тысячу лет после правления мудрого законодателя Хаммурапи на этих землях возникает новое государство Ассирия, которая в период с 900-612 гг. до н.э. была наиболее могущественным царством Передней Азии.

Ассирийцы были великими воинами, но еще больше отличались своей жестокостью. Ассирийские цари брали за образец Вавилонию, которая обладала более высокой культурой. Они заимствовали у захваченных вавилонян их культурные достижения, письменность и религию. Но кровожадные ассирийцы не хотели брать за образец мудрость и гуманизм таких правителей как Хаммурапи. Даже среди старых вавилонских богов, они наиболее популярным сделали культ бога Раммана (он же Адад – бог грома, бури и ветра). Причина этой популярности заключалась в разрушительной стороне его деятельности, которая наводила страх и была призвана помочь в победе над многочисленными врагами.

Богиню плодородия и любви Иштар они превратили в грозную воительницу, которая облачена в одежду из пламени, распространявшую вокруг огненный жар и блеск.

Этот пример показывает, люди формируют свои религиозные культы в соответствии с их нравственными наклонностями, одних делая гуманными и справедливыми, других кровожадными и жестокими. Бог Сет в Древнем Египте, стал к началу I тысячелетия до н.э. олицетворением зла, демоном бесплодной песчаной пустыни, однако культ этого бога был распространен в основном среди воинов египетской армии. Можно сказать, что не только боги создавали людей по своему образу и подобию, но и люди выбирали себе богов соответствующим образом.

Зороастризм

Зороастризм был религией, которая разорвала языческий круг материальных и чувственных представлений. В этой религии необычайно сильно духовное начало. Яркий выраженный дуализм разделяет силы зла и добра непреодолимой стеной. Зороастрийцы отождествляют добро и свет с одной стороны и тьму со злом с другой, между которыми идет непримиримая и непрекращающаяся борьба, составляющая основу мирового процесса как на земле, так и вне ее.

Великий бог Ахура-Мазда, учил Заратустра, создал весь материальный и духовный мир: небесные светила, людей, животных, но он

не несет ответственности за существование в мире зла, оно исходит от злобного Ангро-Майнью, в самой природе которого заложено насилие и разрушение. Это он создал демонов, правит в аду и изначально противостоит благому богу. Мир является ареной битвы между силами добра и зла, а человечество создано богом, чтобы помочь ему в этой битве. По этой причине древние маздеидские божества стали олицетворяться высокими понятиями справедливости, благочестия, благомыслия: Заратустра как бы обращался к человеку с призывами помочь благородным небесным силам в их непримиримой борьбе, став с этой целью лучше, честнее, чище и сосредоточив все свои старания и чаяния на том, чтобы одолеть мир зла. Гимны Авесты призывают людей быть доброжелательными, умеренными в помыслах и страстях, готовыми жить в мире и дружбе, помогать ближнему. Восхваляются честность и верность, осуждается воровство, злословие, преступление. *Основой этической доктрины зороастризма стал тезис о том, что истина и добро, равно как и страдание и зло, зависят от самих людей, которые могут и должны быть активными творцами собственной судьбы. Зороастр призывает избавиться от злых мыслей, злых слов и злых дел.* Зороастризм делает человека помощником бога в его борьбе со злом, а добродетель становится его главной чертой угодной Всевышнему. Можно сказать, что *это религия добродетельности.*

В зороастризме главную роль в отношениях человека с богом стала играть не жертва, а молитва.

Живя в природе и подчиняясь ее законом, важнейшим из которых является закон борьбы за существование, оставляющий право на жизнь за наиболее сильным, древние люди избирали в качестве богов свирепых хищников, вселяющих страх, или животных, из тех которые обеспечивали им пропитание. Хищник в образе бога соответствующим образом влиял на нравы людей. Не имеет особого значения, каким образом боги приобрели свои черты, гораздо важнее какое влияние оказывали на людей. Установлено, что каннибализм, человеческие жертвоприношения, убийство немощных стариков и нежеланных детей в большей или меньшей мере были присущи практически всем народам на ранней стадии их религий. Однако по мере своего развития одни языческие религии смогли преодолеть эти антигуманные явления, а другие нет.

По мере своего развития люди все больше понимают несоответствие представлений о животной сущности человека, лежащими в основе большинства языческих верований, с его высочайшими духовными устремлениями: развитием науки, искусства, технологий, ставящими поведение человека в резкое противоречие с поведением животных. Люди все больше осознают свое превосходство над животным миром. Так как духовность и самосознание людей развивались в религиозной сфере, они пытаются изменить формы религиозного поклонения, но религии являются средоточием духовной жизни всего народа, для их изменения необходимо менять привычки и традиции каждого человека, что чрезвычайно трудно.

Египетская религия в своем развитии зашла в тупик, не сумев разрешить противоречий между духовным символизмом и тотемистической образностью своих ритуалов и обрядов. Попыткой выхода из него была создание в античную эпоху Птолемеем I Сотером (правил 305-283 до н.э.) искусственного культа бога Сераписа, совмещавшего религиозные традиции Египта и Греции. Из египетской религии он взял имя, производное от имен Осириса и Аписа, а изображение напоминало статуи Плутона или Зевса. Однако этот культ в самом Египте почти не прижился.

Пустоту в духовной сфере почувствовали и в Риме, так как древние божества со временем стали просто смешными и в них перестали верить. Римляне попытались исправить положение, импортировав богов с Востока, но через несколько веков все языческие боги пали перед культом единого Бога – Христа.

В Древней Греции развитие религий пошло по пути усиления ее чувственной стороны, когда религиозные мистерии принимали характер разнузданных оргий. Мудрые греки не стали бороться за реформирование религий, так как законы, охранявшие их, были очень строгими и грозили смертью за неуважение к богам. Они пошли другим путем, придумав философию, в которой могли спокойно обсуждать все волновавшие их проблемы от космоса до человека. На этом пути греки сделали множество выдающихся открытий, которые до наших дней являются основой мировоззренческих представлений большинства людей.

Зороастризм стал первой духовной религией, в которой добро символизировало не какое-то животное, а свет и, наоборот, зло означало тьму. Добро и зло, свет и тьма ведут между собой непрерывающуюся борьбу, в которой человек должен принимать активное участие, так как от этого зависит победа добра. Пророк Мани реформировал зороастризм, создав манихейство, ставшее религией пессимизма, неверия в возможность победы добра на земле, объявившее деторождение увеличением зла.

Много интересного внесли в процесс самопознания людей религии Индии и Китая, но в силу своей удаленности они не оказали особого влияния на духовное развитие народов европейской культуры.

Живя среди природы, древние люди чувствовали свою неразрывную связь с ней и через религиозные верования (тотемизм) считали себя частью животного мира. По мере развития самосознания и культуры, эта связь перестала удовлетворять человека, он видел свое превосходство над животным и не хотел оставаться таковым. Однако языческие религиозные представления не позволяли разорвать эту связь.

IV. Начало творения духовного человека

1. Возникновение представлений о духовном человеке в Египте, Индии и Китае

Развитие истории и духа или духовности людей не случайный и бессмысленный процесс, как утверждают некоторые материалисты. В этом легко убедиться, если поразмышлять над вопросом, почему в середине

первого тысячелетия до н.э. в трех совершенно разных регионах земли: Индии, Китае и Греции, имевших между собой довольно слабые связи, для нас в большей мере гипотетические, чем реальные, возникает потребность в создании представлений об образе идеального человека, который выглядит как человек духовный. Этот идеал появляется у совершенно реальных исторических персонажей, каковыми являлись Будда, Конфуций и Сократ. Причем делают они это не спонтанно, а выполняя социальный заказ, который сформулировали себе сами, видя необходимость полного разрыва с животным прошлым, которое оформилось в языческих нравственных представлениях и мироощущении. Они понимают, что старые нормы отношения к миру и людям мешают их народам развиваться. Каждый из них формирует такой образ, исходя из условий и потребностей своего народа и своей страны, по этой причине они имеют существенные отличия. Среди них главными являются: безоговорочное превосходство духовных интересов над материальными потребностями, высочайшая нравственность, стремление служить людям. Эти образы могут служить идеалами и в наши дни.

Мы говорили, что понимание различия между телесной и духовной сущностью человека существовало уже в Древнем Египте, но дальнейшее развитие творческой мысли египтян о духовности человека не смогло прорвать рамки языческого культа и ритуалов. Однако она оплодотворила религию древних евреев, взяв у египтян многие пункты своего закона.

Мысль о том, что «не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих». (Мф. 4:4) посетила людей задолго до прихода Иисуса Христа. В Екклесиасте, приписываемом царя Соломону, жившему на тысячу лет раньше, он говорит: «Все труды человека – для рта его, а душа его не насыщается» (Екклесиаст 6:7). Люди поняли, что противоречия между материальной или телесной природой человека и его духовными запросами не только существуют, но и не могут быть удовлетворены через насыщение телесной природы. Душа требует иной пищи, о чем позднее скажет Христос.

Люди еще на заре цивилизации знали, что тело требует пищи, комфортных условий жизни, сексуальной разрядки, но тогда же они увидели, что безрассудное удовлетворение требований тела, которое можно назвать стремлением к удовольствиям, приводит к рождению похотей: обжорству, пьянству, распутству, изнеженности и неспособности стойко переносить трудности. В результате человек теряет многие качества, отличающие его от животного. Удовлетворение материальных интересов становится для него главным мотивом жизни, а среди них основными являются богатство и власть.

Стремление к красоте, познанию, вечности, любви и свободе – это устремления души. Воплощая в реальность свои эстетические и этические потребности, строя умозрительные гипотезы устройства космоса, люди стремились приобщиться к вечности. Жажда творчества сама по себе не имеет меркантильных интересов, даже если приобщает творца к вечности.

Творец не думает о выгоде, он стремится разрешиться от бремени переполняющей его творческой идеи. Никто никогда не узнает ни имени, ни мыслей, которые переполняли художника, разрисовывавшего стены пещер тридцать тысяч лет назад. Результаты приходят потом, часто после ухода его из жизни. Имена многих творцов, дошедших до наших дней произведений, заставляющих восхищаться и удивляться ими, остались неизвестными, но есть такие, которые как каменные блоки составляют фундамент единой культуры человечества, так как они на собственном примере показали, каким должен быть человек духовный. Такой человек имел мало общего с природой. У него было тело, он хотел кушать, страдал от зноя и холода, но они были только досадными помехами, не дававшими ему спокойно заниматься своими духовными исканиями.

- Будда

Одним из первых среди подобных людей был Гуатама Будда (624-544 или 563-483 г. до н.э.) О нем можно сказать словами Христа: «Блаженны нищие духом». У него были все материальные блага, а сам он наследник царского трона. Но однажды Будда потерял смысл в такой жизни.

Принято считать Будду основателем одной из мировых религий, но при этом не уделяется должного внимания, его совершенно новому взгляду на человека. Понятие о душе, ее перевоплощениях (сансаре), посмертном воздаянии (карме) существовали в религиях Индии задолго до Будды. Однако он сделал то, чего не могли другие. Для Будды у человека на первом месте стоит духовность, которая является его главным качеством, и должна вести борьбу с телесной природой. В борьбе духовного с телесным, которая непрерывно происходит в человеке, заключено великое открытие Будды. Это открытие сделано им благодаря опыту всей жизни, которую можно разделить на две половины. Первая половина – почти тридцать лет детства и юности, проведенных в отцовских дворцах и парках в праздности и удовольствиях. Это был непрекращающийся праздник тела, когда исполнялись все желания, но Будда не нашел в такой жизни оптимистического ответа на свой вопрос, а что же будет дальше, так как дальше следовала старость, болезни, смерть и новое рождение в неизвестном облики. Это новое рождение несло с собой страх неизвестности. Родиться можно было кем угодно, слоном великаном или ползучей змеей.

Вторая половина жизни началась после бегства наследника царя – Будды из великолепного дворца в нищету и страдания. Семь лет изнурения плоти, поста и занятий йогой чуть не привели его к смерти. И все же попытка понять жизнь через страдания приводит его к просветлению. Ему открываются «четыре благородные истины», ведущие к «верной срединной дороге», дающей освобождение от страха новых перерождений. Он открывает, что есть страдание и есть путь к прекращению страданий - просветление, нирвана, которая является целью человека. Но достичь ее можно лишь найдя верную дорогу, равноудаленную от страданий и удовольствий. Тело хочет удовольствий и вызывает желания. Эти желания

на самом деле источник страданий, так как самое невинное желание, в конце концов, приведет к страданию. Человек устроен так, что каждое удовлетворенное желание и полученное удовольствие, рождает новое. Совсем невмоготу становится человеку, когда желаний много. Будда говорит, что обуреваемый желаниями человек носится по кругу, словно, обезумевший заяц. При этом каждое из полученных удовольствий неизбежно приводит к страданию. Например, любовь к женщине или даже собственному ребенку рано или поздно приведет к страданию от ревности, потери любимой или любви, а сколько страданий может доставить собственное дитя, своим непослушанием и своеволием. Желание богатства и власти только разрушают душу человека, а расплатой за них является, в конечном счете, безмерное увеличение страданий. Таким образом избежать страданий можно только путем отказа от желаний.

Способность равнодушно внимать добру и злу, отрешенность от мира, забота о благожелательном отношении ко всем живым существам, – есть единственный путь к нирване. Будда первым подал пример подобного поведения. Уйдя из дворца, он бросил престарелого отца, молодую красавицу жену, только что родившую ему сына.

Достигнув нирваны, Будда добился своей цели и мог бы раствориться в ней, уйдя в небытие, но по легенде к нему явился бог Брахма и упросил не дать погибнуть миру, а спасти его путем распространения среди людей открытой им истины. Будда собрал вокруг себя группу учеников и стал странствующим проповедником.

После смерти Будды его учениками были созданы многочисленные религиозно-философские школы, которые движутся по пути мистического познания религиозной истины. Если посмотреть на учение Будды с позиций рационализма, мы сможем увидеть одну ускользающую от взгляда мистика особенность. Ранние религиозные учения Индии наделяя все живые существа душой, ставят человека в один ряд с ними, так как он не знает, в кого воплотится при следующем перерождении. Человек, живущий по зову своих страстей, ничем не отличается от любого другого представителя живых существ. Такой человек не совершенствуется и его человеческий облик по сути дела ничем не отделяет его от животных или других существ.

Отказ человека от желаний и страстей означает на самом деле отказ от его животной природы. Будда, наверное, не случайно не раскрывает, в чем заключается состояние нирваны. Позднейшие буддисты начнут придавать ему свое очень сложное мистическое истолкование. Может быть ответ гораздо проще. Человек, вырвавшийся из мира животных страстей, достигает особого состояния духа - нирваны - гармонии между телом и душой, между человеком и миром. Если вспомнить слова Иисуса Христа о том, что «царство Божие внутри вас есть» то становится видна явная связь между ними.

Будда своим учением решает три чисто рационалистические задачи. Во-первых, он прерывает цепь перерождений, делая человека человеком, ни

с кем не сравнимым, духовным существом, так как ни одно существо кроме него не может достичь нирваны.

Во-вторых, он указывает людям путь выхода из социально-политического тупика, в который заводила человека варновая или кастовая система, утвердившаяся к тому времени. Для человека, отказавшегося от погони за материальными ценностями, при помощи медитации уходящего в мир собственного я и к вершинам бытия, не существует на земле каких-либо ограничений, кроме тех, которые находятся в его сознании. Пример самого Будды имеет глубочайший социальный смысл. Он показывает, что перед беспредельным сознанием человека, каковым является нирвана, равны все: принц, ставший нищим бродягой, и бродяги, ставшими учениками бывшего принца.

В третьих, Будда показывает величие и силу сознания, способного преодолеть границы времени и пространства по пути к нирване. Но к нирване может привести только сознание, живущее по законам нравственности.

Собственность рассматривалась Буддой как главное зло, стоящее перед человеком на пути к спасению, поэтому его ученики должны были от нее отказаться. Они не могли иметь семьи, дорогих вещей, золота или серебра, богатой одежды или украшений. Жить они должны были вместе общиной, подчиняясь единым правилам и распорядку. В учении Будды появляются элементы того, что через две тысячи лет будет названо коммунизмом.

Конфуций

Хотя Конфуция (551-479 г. до н.э.) можно считать младшим современником Будды, взгляд великого китайского мудреца на человека существенно отличался. Для Будды идеал человека – отрешенный от мира мудрец, освободившийся от страстей наблюдатель, не причиняющий зла, но и не делающий добра, живущий при этом за счет труда других людей, которых он обходит в поисках подаяния. Главным положением учения Конфуция является понятие «благородного человека». Это человек совершенно другого склада, чем у Будды. Он, прежде всего, гражданин и семьянин, сын и отец, его деятельный характер коренным образом отличается от буддийского идеала. Такое видение образа идеального человека отражает политическую и социально-экономическую ситуацию, сложившуюся в Китае ко времени жизни Конфуция. Китай представлял в то время феодальное государство, в котором центральная власть была слаба. Конфуций о своем времени, выразился приблизительно так: "В эту эпоху в Китае не было царя, каждый владетель делал то, что было справедливо в его собственных глазах". Центральная власть была лишена своей силы; около пяти веков. Результатом этого был хронический беспорядок и в массе народа - нужда, сопровождаемая частым голодом.

Решение проблемы наведения в стране порядка Конфуций видел в воспитании «благородного человека», сочетающего в себе преданность

нравственным идеалом, высокую образованность, верность семейным традициям и интересам государства. Для этого необходимо было укрепить институт семьи, основой которого должна была стать по мысли Конфуция концепция «сыновней почтительности» - уважения к родителям, старшим вообще и братьям в частности. Ввести концепцию «исправления имен», которая означала соответствие каждого своему назначению. Государь должен соответствовать званию правителя-отца народа, глава семьи должен быть достойным своего положения отца, заботящегося о ее членах. Каждый чиновник должен добросовестно выполнять возложенные на него обязанности. Это же относилось к простым крестьянам и ремесленникам, обязанным добросовестно трудиться.

Казалось бы, что сугубо практические задачи, поставленные Конфуцием в воспитании идеального человека, делают его несопоставимым с идеалом Будды, однако это не так. Их объединяют высокая нравственность и стремление к духовному совершенству. У них едины главные нравственные принципы: благородство, честность, бескорыстие.

Зороастр

Легендарный Зороастр (Заратуштра) (VII-VI вв. до н.э.) решает проблему идеального человека в соответствии с религиозными традициями древних иранцев. Еще у древних египтян в мифе о борьбе бога Ра со злым змеем Апопом за восход солнца и наступление дня возникает идея олицетворения света с добром (Ра), а тьмы (Апоп) со злом. Однако в Египте это только эпизод в движении солнца, разгоняющего тьму, по небосводу, а человек к этой борьбе не имеет никакого отношения.

В Иране Зороастр борьбу света и тьмы, добра и зла делает основой и смыслом всего космологического процесса, а людям отводится решающее место в этой борьбе. Человек, следующий идеалам добра в мыслях, словах и делах, усиливает космические силы добра и может ускорить их победу. В учении Зороастра содержатся идеи о страшном суде и посмертном воздаянии человеку за его добрые или злые дела.

Суд Осириса и его решения в религии египтян напоминают идеи Зороастра, но Книга Мертвых была у них своеобразным талисманом, позволявшим пройти этот суд невредимым. У Зороастра только служение силам добра определяет посмертную судьбу души. Это служение человека добру выделяет религию Зороастра из языческих религиозных культов и нравственных представлений, ставя духовные качества гораздо выше физических. По мнению многих религиоведов, Зороастризм по своему духовному содержанию и влиянию на развитие духовности людей вплотную приблизился к монотеизму. Он повлиял на развитие духовных представлений в античном мире.

2. Древняя Греция

Досократики

Задача развития представлений о духовной сущности человека и его совершенствовании оказалась непосильной для языческой религии греков. В

этой религии художниками и скульпторами были созданы образцы статуй и картин непревзойденной физической красоты и совершенства, символизирующих богов в образе людей. Легендарные поэты Гомер и Гесиод создали величественную религиозную мифологию, прекрасно сохранившуюся до наших дней. Олимпийские боги, обладая совершенством физическим, необычайно далеки от духовного, так как живут по велению страстей и инстинктов, поэтому не могут служить нравственными образцами для людей. Греческие религиозные культы приобрели характер чувственных мистерий, получивших название оргий, сопровождавшихся разнузданным сексуальным разгулом.

То, что не смогла сделать религия, взяли на себя философы Древней Греции и уже в VIII или VII веке до н.э. греческий поэт Гесиод улавливает самое существенное различие между человеком и животным. Он пишет: «Звери... не ведают правды. Людям же правду Кронид даровал – высочайшее благо»².

Последователи легендарного поэта, певца и музыканта Орфея, жившего в начале I тысячелетия до н.э. – орфики были не философским течением, а религиозной сектой, но их учение пыталось пойти по пути развития духовных представлений о человеке. Они противопоставляли душу и тело друг другу, считая, что человек это временное единство двух противоположностей, из которых душа является высшей, а тело низшей субстанцией. Орфики считали земную жизнь злом, запрещали убивать живых существ и совершать самоубийство. Они верили в закон воздаяния за прошлые деяния, в переселение души - метемпсихоз и её бессмертие. Как и в религии Индии переселение душ соединяло людей и животных, тем что душа могла вселиться в тело любого существа.

Первых философов, появившихся в Греции еще в VI - V вв. до н.э. стали называть досократиками, они занимались натурфилософией, составлявшей истоки естествознания, потому что темой их умозрительного философствования было устройство космоса и поиск его первоосновы. Первые материалисты появляются в их среде, заявив, что мир состоит из атомов и существует вечно.

Сократ (470/469-399 гг. до н.э.)

Сократ был первым великим человеком в истории. Он не был воином, политическим деятелем, законодателем. Его величие заключалось в человеческом достоинстве, которое питалось духовностью. По жизни его вел внутренний голос, который предостерегал от дурных безнравственных поступков. Сократ называл его «даймонион», вероятно, что в наш рационалистический век он мог бы быть названным голосом совести. За то, что жил по совести, Сократ стал многим мешать, так как на фоне его их безнравственная жизнь выглядела вопиюще несправедливой и неправильной. Против него были выдуманы обвинения, устроен суд, осудивший Сократа на смерть. Однако и суд, и сама казнь лишь укрепили

величие этого человека. Дух Сократа был выше мелких эгоистических помыслов сохранения и продления жизни тела.

Греческие отцы христианской церкви проводили прямые аналогии между Сократом и Христом. Действительно в их судьбе и даже биографии много общего. Иисус Христос был сыном плотника, Сократ сыном каменотеса, который обучил его своему ремеслу. Однако ко времени возмужания Сократа афинские граждане благодаря труду рабов, которые обслуживали их, создавая все блага, перестали заниматься физическим трудом. Участие в различных общественных мероприятиях и делах стало их обычным занятием. Как и Христос, Сократ не пошёл по стопам отца, он стал учителем нравственности. У него не было школы. Он ходил по рынкам и мастерским, посещал бани и дружеские застолья и везде говорил о своём отношении к жизни, которое отличалось от общепринятого. Постепенно вокруг Сократа собрался кружок молодежи с интересом слушавшей его рассуждения.

Сократ всю жизнь остался горячим патриотом родины. «Отечество, - говорил он, - дороже и матери и отца, и всех остальных предков». Как-то ему сказали, что на его лице написаны задатки пороков, друзья запротестовали, но он согласился, что был склонен к дурному, но смог победить себя. Самовоспитание Сократ считал основой личности и истинной мудростью, так как победить страсти, свою изменную природу подчинить разуму означало для него открыть в себе высшее Начало.

Сократ был стойким и мужественным солдатом. Во время войны он был одним из немногих, кто с необычайной стойкостью переносил невзгоды. В то время, как все остальные роптали и жаловались на холод и нехватку пищи, лишь он один ни на что не жаловался, не искал чем бы укрыться от холода, ходил босиком. Желая хоть как-то приравнять Сократа к себе, другие воины решили напоить его вином, но и это испытание он выдержал достойно. Никто и никогда не видел Сократа пьяным. В решающем сражении он вынес из боя своего раненого ученика Алкивиада.

Сократ, в отличие от натурфилософов, совершил поворот от рассмотрения природы, космоса к рассмотрению человека. В своей философии он ищет пути духовного совершенствования человека, раскрытия его главной тайны. Для чего он живет и как должен жить? Существует ли истина? Сократ создает новую этику, основанную на том, что главной ценностью, которой обладает человек, является добродетель.

Разум дан человеку не для того, чтобы исследовать, что находится в небесах и под землю, а для того, чтобы стать совершенным. Его идеи прямо предваряют учение Христа. Сократ считал, что человеку не следует «заботиться о своих делах раньше и более, чем о самом себе». Богатство, власть, здоровье, мнение окружающих — все это вторично. Первичным же и самым важным является забота о душе. Диоген Лаэртский сообщает о Сократе следующее: «Он говорил, что есть одно только благо — знание и одно только зло — невежество». (32). Сократ считал, что все люди и особенно

молодые должны стремиться к познанию добродетелей. Все людские пороки происходят от их не знания. Он говорит о себе: «Я знаю, что ничего не знаю». Для него добродетель сливается со стремлением к познанию истины. Его заявления о пренебрежении к богатству не были декларациями, он и жил в соответствии со своими убеждениями, ходил босиком в старом плаще. Диоген Лаэртский описывает и такой случай: «Однажды он позвал к обеду богатых гостей, и Ксантиппе (жене) было стыдно за свой обед. «Не бойся, - сказал он, - если они люди порядочные, то останутся довольны, а если пустые, то нам до них дела нет». Он говаривал, что сам он ест, чтобы жить, а другие люди живут, чтобы есть». (34) Этот же писатель рассказывает, что отказываясь от написанной ему для суда защитительной речи, Сократ говорит, что она ему не к лицу, точно так же как богатый плащ или сандалии.

Критическая оценка Сократом поведения людей часто умножала число его врагов. Один из учеников Сократа Ксенофонт написал «Воспоминания о Сократе», в которых рассказывает (стр. 37) «... Если он (Сократ) всегда вел жизнь нравственную, то разве справедливо, чтоб он нес ответственность за пороки, которых у него не было? Заметив, что Критий () влюблен в Евтидема и соблазняет его, чтобы быть с ним в таких отношениях, в каких находятся люди, пользующиеся телом для любовных наслаждений, Сократ старался отвратить его от этой страсти: он указывал, как унижительно и недостойно свободнорожденному человеку, подобно нищему, выпрашивать милостыню у своего любимца, которому он хочет казаться дорогим, моля и прося у него подарка, да еще совсем нехорошего. Но так как Критий не внимал таким увещаниям и не отставал от своей страсти, то, говорят, Сократ, в присутствии многих лиц, в том числе и Евтидема, сказал, что у Крития, как ему кажется, есть свинская склонность: ему хочется тереться об Евтидема, как поросята трутся о камни. С этого-то времени и стал ненавидеть Сократа Критий». (Ксенофонт. Сократические сочинения. Киропедия. М. 2003.)

В период Пелопонесской войны, когда Спарта продиктовала Афинам условия мира и на смену демократии насадила олигархию, Критий стал тираном и возглавил «совет тридцати». Мстя Сократу, он пытался запретить ему вести беседы с молодыми людьми до 30 лет. Это был период гражданской смуты, сопровождавшейся террором.

О причинах неприязни к Сократу рассказывает Диоген Лаэртский: «... Удостоился он похвалы от пифии, которая на вопрос Херефонты ответила знаменитым свидетельством: «Сократ превыше всех своей мудростью». За это ему до крайности завидовали, - тем более, что он часто обличал в неразумии тех, кто много думал о себе». (38 Д.) В такой обстановке критика Сократом существующего в Афинах порядка вещей стала нетерпимой для власть имущих и они решили с ним расправиться.

Против Сократа выдвинули обвинения в том, что он «не чтит богов, которых чтит город, а вводит новые божества и повинен в том, что

развращает юношество; а наказание за то – смерть». (40 Д.) Обращаясь к судьям, Сократ говорит: «*Желать вам всякого добра – я желаю, о мужи афиняне, и люблю вас, а слушаться буду скорее бога, чем вас, и, пока есть во мне дыхание и способность, не перестану философствовать, уговаривать и убеждать всякого из вас, кого только встречу, говоря то самое, что обыкновенно говорю: о лучший из мужей, гражданин города Афин, величайшего из городов и больше всех прославленного за мудрость и силу, не стыдно ли тебе, что ты заботишься о деньгах, чтобы их у тебя было как можно больше, о славе, о почестях, а о разумности, об истине и о душе своей, чтобы она была как можно, лучше не заботишься и не помышляешь? Не от денег рождается доблесть, а от доблести бывают у людей и деньги и все прочие блага.*»¹².(П. 30)

Рассказывая о суде над Сократом, Ксенофонт обращает внимание на то, он не собирался его выигрывать. «Он тогда уже считал смерть для себя предпочтительнее жизни». Он говорит, что «вся жизнь мною прожита благочестиво и справедливо», поэтому впереди его ждет старческая немощь, которая кроме страданий ничего ему не принесет. Оправдываться перед клеветническими доносами, которые выдвинули против него, он считает ниже своего достоинства, поэтому отвечая на обвинения, он обличает обвинителей во лжи.

Его объяснения в суде выглядят дерзкими, так как он говорит: «Знаете ли вы человека, который бы меньше меня был рабом плотских страстей? Или человека более бескорыстного, не берущего ни от кого ни подарков, ни платы?» Сократ требует, чтобы Мелет привел пример развращения им молодежи, на что последний отвечает: «Я знаю тех, кого ты уговорил слушаться тебя больше, чем родителей». Возмущенный Сократ спрашивает: «За то, что меня считают некоторые знающим в таком полезном для людей искусстве, как воспитание, ты желаешь меня казнить?» (К. 21)

Судьи, желая дать Сократу возможность избежать казни, согласно существующему порядку, предлагают назначить себе самому штраф или отправиться в изгнание, но Сократ говорит, что у него нет денег для выплаты штрафа и он не хочет на старости лет уходить из родного дома, чтобы бродить по другим городам в поисках пристанища. Сократ вновь и вновь обращает внимание судей на несправедливость затеянного ими процесса: «Может быть вам кажется, что я говорю по высокомерию..., но это не так... Убежденный в том, что я не обижаю ни одного человека, ни в каком случае не стану я обижать самого себя ... и назначать себе наказание. С какой стати?» Сократ говорит, что для такого человека как он «нет ничего более подходящего, как получить даровой обед в Пританее», которого удостоивался победитель Олимпийских игр.

Афинский суд не привык, чтобы перед ним разговаривали так гордо. Но Сократ не собирается унижительными просьбами разжалобить судей, как другие, которые приводили на суд детей с этой целью, но он говорит, что так поступать не будет и «не буду просить о помиловании... Для чести моей и

вашей, для чести всего города, мне кажется было бы нехорошо, если бы я стал делать, что-нибудь такое в мои года и при том прозвище, которое мне дано». (П. 34-35)

Сократ считает, что: «От смерти уйти не трудно, а вот, что гораздо труднее – уйти от нравственной порчи, потому что она идет скорее, чем смерть». (П. 39) Суд, где в качестве судей выступало пятьсот граждан Афин, 281 голосами против 219 приговорил его к смерти.

В своем последнем слове Сократ обращаясь к тем судьям, которые осудили его говорит: «А теперь, о мои обвинители, я желаю предсказать, что будет с вами после этого... И вот я утверждаю, о мужи меня убившие, что тотчас за моей смертью придет на вас мщение, которое будет много тяжелее той смерти, на которую вы меня осудили». (П. 39) Он предупреждает судей, которые избавились от Сократа, чтобы прекратить его обличения, «а случится с вами совсем обратное: больше будет у вас обличителей», потому что он их прежде сдерживал, а после смерти этого некому будет делать.

Диоген Лаэртский подтверждает: «Но очень скоро афиняне раскаялись: они Мелета (подавшего заявление в суд) осудили на смерть, остальных - на изгнание, а в честь Сократа воздвигли бронзовую статую» (43 Д)

Когда Сократ, окруженный друзьями уходил с суда в темницу, один из его учеников, «горячо преданный Сократу, некий Аполлодор сказал: «Но мне особенно тяжело, Сократ, что ты приговорен к смертной казни несправедливо». На что Сократ заметил: «А тебе, дорогой Аполлодор, приятнее было бы видеть, что я приговорен справедливо, чем несправедливо? – И при этом он улыбнулся». (К. 28)

Сократ нанес мощнейший удар по языческому мировоззрению. Во-первых, он провозгласил духовное развитие важнее приобретения материальных благ. Во-вторых, он первым высказал мысль, что в основе зла лежит невежество, поэтому молодежь нужно учить добродетельности, то есть целенаправленное воспитание является основой формирования личности. На суде он открыто говорил судьям, что даже под страхом смерти не откажется от своих нравоучительных разговоров с молодежью.

Но суд над Сократом на этом не закончился. Он продолжается до наших дней. Сократа не признавал Ницше. В 2009 году профессора Оксфорда провели свой процесс и признали его виновным. В этом нет ничего удивительного, так как Сократ духовное ставил выше материального, дал принципиальное разделение добра и зла, сформулировал содержание добродетели и порока, наполнил смыслом понятие «истина»; современная постмодернистская философия утратила понимание духовного, не верит в идеалы и принципы, на место истины поставила материальную выгоду, добродетель заменила пользой, таким образом стала на позиции обвинителей Сократа, отстаивавших языческие нравы.

Сократ заслужил великую честь, он сотворил для европейской цивилизации основные черты человека духовного.

В его судьбе служение идее значило больше чем сама жизнь.

В середине I тысячелетия до н.э. великие философы человечества - Будда, Конфуций и Сократ независимо от своих религиозных воззрений создают удивительно похожий образ идеального человека, который выглядит как человек духовный, ставящий веления души выше запросов тела.

V. Древнегреческая философия о духовности и естестве человека

По важности постановки философских проблем греческие философы определили развитие науки о человеке на тысячелетия вперед. Вопрос о сущности человека был одним из важнейших. Диоген Лаэртский делит древнегреческих философов на физиков, изучающих природу, этиков, рассуждающих о нравах и диалектиков, за хитросплетение речей. Однако большинство из философов, несмотря на такое деление, в той или иной мере касались проблем человека.

С момента своего зарождения в Древней Греции философия достаточно четко разделилась на три направления, сторонники которых совершенно по-разному смотрели на сущность человека. Философы одного направления Пифагор, Сократ, Платон, Аристотель и ряд других в человеке, прежде всего, видели его духовную сторону, способность к развитию и совершенствованию.

Философы - стоики рассматривали человека как существо природно-аскетическое, в котором духовность вытекает из близости к природе.

Философы другого направления на первое место ставили в человеке его животные начала, подвергали сомнению или вовсе отрицали необходимость институтов, организующих и упорядочивающих жизнь людей, таких как государство, собственность, семья.

1. Человек духовный

Последователи мифического певца Орфея, реально существовавшие орфики, первыми задумались о сущности человека. Их идеи удивительным образом перекликаются с индийскими представлениями. Да и по времени – шестой век до н.э. совпадают с созданием буддизма, джайнизма и индуизма. Орфики увидели двойственную природу человека и как следствие извечную борьбу внутри него самого. Блаженство человека – в крылатом парении духа, его несчастье - в подчинении плоти.

До орфиков греки считали тело главным, а душу чем-то ущербным, нетвердым и слабым. Орфики наоборот провозгласили тело гробницей души, где она влачит жалкое существование. Они создали учение о перевоплощении душ, которое называли метемпсихоз. Орфики верили в судьбу, которая определяет жизнь человека. *В то же время в их учении содержалась вера в то, что человек в состоянии изменить свою судьбу путем соблюдения заветов добра, он должен постоянно вести борьбу с проявлениями плотских устремлений в своем сердце. Мысли и дела его должны быть чистыми.* В гимнах истинный орфик называется

«добродетельным» и даже «святым». Орфики не употребляли животную пищу, отвергали кровавые жертвы. Для освобождения души из цикла перерождений они рекомендовали особые принципы аскезы, которые называли орфической жизнью.

Пифагор (570 – ок. 500 до н.э.)

Пифагор был современником Будды и Конфуция. Ученики Пифагора объединились в Союз или Братство, которое позднее получило название «пифагорейский Союз», или кротонское братство, их стали называть «пифагорейцами». В учении Пифагора можно выделить три главные составляющие. Первой из них было стремление к гармонии, порядку и организации. В связи с этим у него было особое отношение к музыке. Он считал ее бессловесной проповедью и утверждал, что она обладает способностью поднимать душу по ступеням восхождения к высшему порядку, скрытому от взоров невежд. Он говорил о вселенском звучании космического строя и призывал слушать «гармонию сфер».

Мистическое значение придавал Пифагор числам. Математика рассматривалась как путь к выведению единой формулы мира, которая тождественна с музыкальной гармонией. Модная ныне нумерология берет свое начало в исканиях пифагорейцев.

Третьим направлением учения Пифагора, является забота о душе, которая должна быть настроена в унисон с небесной гармонией. Для этого он установил ученикам особый уклад жизни, который требовал просветленности, гармоничности и меры в поступках, чувствах и мыслях. *Ученик обязан был строго следить за собой, заглядывая в свою душу, проверяя совесть: «Что преступил я? Что натворил? Какого не выполнил долга?» Человеку следовало помнить, что его бессмертная душа есть арена противоборства враждующих сил. Их нужно привести в равновесие. Того, кто не смог перестроить свою душу по принципам гармоничности, не минует возмездие. Лишь совершенная жизнь может принести душе блаженство в этом мире и будущих воплощениях.*

Сократическая революция в мировоззрении

Среди современных философов общепринято считать, что Сократ стоял у оснований философской антропологии, однако многие из них, не обращают внимания на то, что он был среди философов первым настоящим гуманистом. Среди его современников и более старших философов были и такие, которые просто не любили людей. Диоген Лаэртский пишет о философе Гераклите, что «он возненавидел людей». По этим причинам можно полагать, что среди афинян, осудивших Сократа на смерть, было немало и его идеологических противников.

Уже тогда философские противоречия выливались в борьбу идей, которая могла иметь самые трагические последствия для отдельных философов, так как и в те времена многие из них пострадали за свои взгляды. Хотя философов чаще всего обвиняли в богохульстве, но обоснованность таких обвинений проверить трудно, так как в этом же

обвинялся и Сократ. Просто под такое обвинение можно подвести любого человека, у которого есть собственные идеи.

Платон (420-348)

Не зря трудился Сократ, облагораживая души учеников. После его гибели возникли философские школы, названные сократическими, продолжавшие исповедовать его идеи. Самым знаменитым из учеников стал Платон, благодаря произведениям которого мы узнали так подробно об учении Сократа. Но Платон не остановился на изложении идей учителя, он стал их очень талантливо развивать, да так, что в средневековой христианской теологии и философии его имя упоминалось чаще имени Сократа.

Будучи язычниками, ни Сократ, ни Платон, ни Аристотель или другие последователи не могли сокрушить в полном объеме их мировоззрение, но они подорвали основные, казавшиеся незыблемыми языческие взгляды на человека и отношения между людьми. Сократ нанес первый удар по языческому мировоззрению, провозглашая новые, невиданные ранее отношения, в которых добродетельность объявляется важнейшим качеством человека. Она никоим образом не сочеталась с культом силы, насилием, презрением к другим людям - главными принципами язычества. Кроме того, в своей философии Сократ четко разделяет добро и зло, не допускает ложь, а это также подрывает другие принципы старого мировоззрения.

Первое, что делает Платон после смерти Сократа, начав самостоятельно заниматься философией, - исследование сущности софизма, являвшегося в то время модным увлечением философов. Кто на самом деле эти искусные ораторы? Искатели истины или ими руководит нечто другое? Он приходит к выводу, что софисты ищут не истину и знание, а наоборот своими словесными ухищрениями, направленными на достижение победы над другим оратором, мешают их поиску. Такие люди являются рабами зла, и им нужно не завидовать, а жалеть их, как потерявших человеческое достоинство. Платон развивает учение Сократа, подводя читателя к мысли, что не сила должна господствовать среди людей и не стоит быть даже великим царем, если в своих поступках не руководствоваться принципами Добра. Добро – божественное начало, поэтому поиск истины есть в одно и то же время стремление к Добру. Зло, даже если оно побеждает, остается всего лишь болезнью души, безумием.

Разграничение между духом и материей возникло как разграничение между душой и телом. Орфик провозглашает, что человек дитя земли и звездного неба; из земли появляется тело, с неба - душа. Именно эту теорию Платон стремится выразить на языке философии. Он создает свое учение о духовном и материальном мирах, а человек в своей земной жизни одновременно принадлежит двум измерениям: духовному и материальному. Его душа лишь на период жизни связана с тленным телом, но сама призвана управлять им. После смерти она уходит «в подобное ей самой безвидное

место, божественное, бессмертное, разумное, и, достигши его, обретает блаженство, отныне избавленная от блужданий, безрассудства, страхов, диких вожделений и всех прочих человеческих зол». Платон считает, что наряду с материальным миром существует не материальный мир идей. Наш мир лишь жалкое отражение того нематериального мира.

Современная наука считает идеи Платона заблуждениями. С ней можно было бы согласиться, если бы она указала выход из тупика, в который зашли науки о человеке, прежде всего философия, и само человечество, отбросив за ненадобностью идеалистические представления.

От идеального человека Сократа Платон идет дальше к идеальному государственному устройству. Он посвящает этой проблеме свой долготелный труд «Государство». Платон доказывает, что государственное устройство должно отвечать нравственным принципам и основываться на справедливости, несовместимой с «правом сильного». *Справедливый человек стремится послужить благу других не меньше чем собственному. Само общество складывается потому, что люди нуждаются друг в друге. Труд - главное связующее звено между людьми. Землепашец необходим строителю, ремесленник им обоим, а все нуждаются в справедливом и умном правителе.* По мысли Платона власть должна быть отдана философам. А так как тогда философия была неотделима от науки, то у власти должна была находиться по сегодняшнему выражению «технократия».

Особое внимание в этой книге было уделено воспитанию молодежи. Воспитание должно развивать у детей такие качества, как серьезность, соблюдение внешних приличий и мужество. Должна существовать строгая цензура над литературой, которую молодежь могла читать с самого раннего возраста, и над музыкой, которую ей позволялось слушать. Матери и няни должны рассказывать детям только разрешенные рассказы. Чтение Гомера и Гесиода не следует допускать. Они изображают богов в неподобающем виде и людей, которые время от времени себя плохо ведут, что непедагогично. В пьесах, если вообще их можно допустить, не должны выводиться другие характеры, кроме безупречных мужчин-героев хорошего происхождения. Невозможность этого столь очевидна, что Платон решает изгнать всех драматургов из своего города:

Мы не имеем возможности подробно рассматривать содержание этого труда, но на трех умозаключениях Платона об устройстве общественной жизни в идеальном государстве, которые повлияли не только на развитие философской мысли, но и революционной, остановимся подробнее:

1. Правящие сословия в идеальном государстве не должны иметь собственности. «Никакой частной собственности, если в том нет крайней необходимости. Затем, ни у кого не должно быть такого жилища или кладовой, куда не имел бы доступа всякий желающий». (Государство. 416 d) «Богатство и бедность. Одно ведет к роскоши, лени, новшествам, другая кроме новшеств – к низостям и злодеяниям». (Г. 422 а)

2 «Все жены этих мужей должны быть общими, а отдельно пусть ни одна ни с кем не сожительствует. И дети должны быть общими, и пусть родители не знают своих детей, а дети родителей». (Г. 457 d)

3. «Лучшие мужчины должны соединяться с лучшими женщинами, а худшие, напротив с самыми худшими и что потомство лучших мужчин и женщин следует воспитывать, а потомство худших – нет, раз наше стадо должно быть отборным». (Г. 459 e)

Эти положения: о ликвидации частной собственности, общности жен, управляемом процессе воспроизводства людей и общественном воспитании детей со времен эпохи Возрождения будоражили умы многим, начиная от так называемых гуманистов того времени, затем либертинцев-распутников, утопистов, де Сада и его поклонников и, наконец, их подхватили анархисты, марксисты-ленинцы и немецкие фашисты.

Утверждают, что наука евгеника возникла благодаря теории эволюции и возникшему на ее основе социал-дарвинизму, но за две тысячи лет до них Платон написал, что люди большое внимание уделяют разведению ценных пород собак и лошадей, но не обращают внимание на воспроизводство людей, этот недостаток нужно немедленно исправить и следить за брачным соединением «лучших мужчин с лучшими женщинами».

Современные авторы, часто называют труд Платона фантастической утопией, о том, что это не так говорит Плутарх, написавший в жизнеописании Ликурга следующее: «Его государственное устройство взял за основание и написавший свод законов для своего собственного государства Платон...» (Плутарх. Ликург. XXXI)

Действительно, согласно законам, учрежденным Ликургом, в древней Спарте было «образовано общества равных», в котором благодаря уравнительному распределению земельных наделов, было устранено различие между богатыми и бедными. Запрет на хождение золотых и серебряных денег привел к тому, что нечем стало накапливать богатство, так как железные деньги, введенные Ликургом, были невероятно тяжелы, громоздки и не представляли ценности. А запрет на приобретение предметов роскоши, совместные трапезы-сесситии еще более утверждали равенство. И, наконец, общественное воспитание детей, когда дети всех родителей без исключения по достижении семи лет забирались из семьи и отдавались в специальные отряды сверстников – агелы, где воспитывались под внимательным наблюдением специально приставленных взрослых и вообще всех старших, в особенности проявивших свои какие-либо выдающиеся способности. К этим законам Платон добавил совсем не много, чтобы создать государство на основах разума, справедливости и нравственности.

Введение общности жен было популярным среди последователей философской школы стоиков и других философов, поэтому Платон не предлагает ничего нового. Делает он это не из развратных побуждений, как этого хотели через тысячу лет либертены-распутники и де Сад, а из необходимости укрепления единства населения идеального города и

недопущения зла, против которого бессильно современное государство, - коррупции. Платон понимает, что частная собственность и семья неизбежно ведут к расслоению горожан и к преобладанию личных интересов над общественными, а в его городе не должно быть ни богатых, ни бедных, поэтому разговор об общности жен он начинает со слов, что у друзей все общее, в том числе жены и дети. У Платона дети не сироты, а общие сыновья и дочери всех взрослых жителей. Аристотель раскритикует это положение своего учителя, говоря, что общие дети будут лишены надлежащего внимания и станут просто сиротами.

Другой причиной такого своеобразного отношения Платона к семье и воспитанию детей является его языческое мировоззрение. Мы говорили о том, что язычник еще не знает любви между мужчиной и женщиной, как духовного чувства, Платон это наглядно демонстрирует, любовь его практически не интересует. Только на первое место он ставит не секс, а деторождение. В позиции Платона находит отражение и психология свободного мужчины в рабовладельческом государстве, в котором он является властелином не только рабов, но и всех домочадцев, то есть проявление культа силы. Демократия, которой так гордились древние греки, распространялась только на них, женщины, как и рабы, и дети до совершеннолетия, а во многих случаях и после него находились под деспотической властью главы семейства.

Платон первым в истории создает проект более совершенного общества и самого человека. При всей его утопичности мы видим, сознательную попытку построения идеального общества, в котором должны быть воплощены наиболее совершенные, по его мнению, формы отношений между людьми, да и сами люди должны стать совершеннее. Чуждо языческому мировоззрению отношение Платона к богу. Употребление слова бог происходит в единственном числе. Платон не приемлет бога в качестве источника злого начала. Он пишет: «Для зла какие-то иные начала, но не бога». (Государство. 379 с) Логика мышления Платона подводит его к монотеизму. И вообще вся философия Платона заключена в разрыве человека с природным царством зла и создании государства, основанного на гуманистических началах подлинного сотрудничества между людьми.

Аристотель (384-322 до н.э.)

В учении Аристотеля о человеке необходимо выделить два момента. Во-первых, он создает новую отрасль философии – этику, которую называет практической философией. Этика Аристотеля занимается научным рассмотрением и обоснованием добродетелей. Любая добродетель есть среднее между двумя крайностями, каждая из которых - порок. Это доказывается рассмотрением различных добродетелей. Смелость - среднее между трусостью и ухарством; щедрость - между мотовством и скарденностью, подлинная гордость - между тщеславием и смирением; остроумие - между шутовством и грубостью; скромность - между застенчивостью и бесстыдством. Он завершает интуитивные прозрения

своих учителей Сократа и Платона вполне научным обоснованием предназначения человека к добру и совершенствованию.

Во-вторых, Аристотель развивает теории своего учителя Платона о существовании материального и духовного миров и создает метафизику, которая означает то, что за пределами физики, после природы, но является первичным по отношению к ней. Метафизику Аристотеля можно описать, как разбавленные здравым смыслом взгляды Платона, которые приведены в довольно стройную систему и составили учение о возникновении и существовании мира духовного. Ее еще называют первофилософией. Божество в понимании философа – это необъятный разум, который также мало знает о копошащемся где-то маленьком мирке, как солнце о цветке, тянущемся ему навстречу. Как же это возможно, если Бог стоит над Вселенной, не соприкасаясь с ней? Он, отвечает Аристотель, сообщает ей движение, не механически, а действуя «как предмет желания, как предмет мысли». Мир создается силой духовного притяжения.

Мысль, по Аристотелю, занимает особое место в природе. *«Так как ум,- говорит он, - мыслит все, ему необходимо быть не смешанным ни с чем, чтобы властвовать, то есть познавать. Вселенская «Первопричина» (Бог) движет мир «как предмет любви». Это универсальное тяготение Любви превращает мир в живое существо, жаждущее достичь божественного бытия».* Бог существует вечно как чистая мысль, счастье, полное самозавершение без каких-либо неосуществленных целей. Бог есть первая причина движения, то есть жизни, начало всех начал. Это начало неподвижно и неизменно, ибо в нем нет материальной стихии. Он абсолютно бестелесное существо – дух, бестелесная энергия – мысль или мышление. Чувственный мир, наоборот, несовершенен, но он обладает жизнью, желанием, мыслью несовершенного рода и стремлением.

Все живые вещи в большей или меньшей степени осознают Бога, и их влекут к действию восхищение и любовь к Богу. Таким образом, Бог есть целевая причина всякой деятельности. Изменение состоит в придании формы материи, но там, где речь идет о чувственных вещах, всегда остается субстрат материи. Один Бог состоит из формы без материи. Мир постоянно развивается в направлении большей степени формы и, таким образом, становится постепенно все более подобен Богу.

Понимание мира как предмета любви подводило гуманистическую философию Великих мыслителей Древней Греции Сократа, Платона и Аристотеля к отрицанию языческого насилия как единственного средства, регулирующего отношения человека к человеку. Они открывали путь рождению и утверждению в умах людей нового сознания – христианского.

Нужно отметить, что в отличие от Платона Аристотель важнейшее значение придает семье, которую считает основой государства. Он считает, что воспитать достойных граждан могут только достойные женщины-матери в условиях семьи, а общественное воспитание детей неприемлемо. Целью воспитания является "добродетель", а не польза.

2. Человек природно-аскетический

Стоики – философы, считавшие служение добродетели главной задачей людей, но их добродетель отличалась от добродетели Сократа или Аристотеля. Главной особенностью их философии было то, что стоики отрицали сострадание и считали служение добродетели важнее, чем служение человеку. Во взглядах на человека и его сущность они отличались большим разнообразием, но большинство выделяло в человеке его животное начало, и ни один не приблизился к Сократу, Платону и Аристотелю по уровню понимания духовно-нравственной сущности человека. Основатель школы стоиков Зенон был материалистом и вслед за эпикурейцами отрицал государство, как излишнее учреждение, усложняющее жизнь и уводящее людей от животной простоты.

Стоики сделали Сократа своим божеством, но взяли у него только внешнюю сторону: поведение на суде, равнодушие к бытовым условиям жизни, одежде, пище, а содержание его добродетелей ими осталось непонятым. Стоик был добродетелен «не для того, чтобы делать добро, но делает добро, чтобы быть добродетельным. Ему не приходит в голову любить своего ближнего, как самого себя; любовь, за исключением внешнего смысла этого слова, отсутствует в его концепции добродетели». (Б. Рассел. С. 317) По этой причине их учение не имело притягательной силы.

Диоген Лаэртский сообщает, что основатель школы стоиков Зенон (336-264 г. до н.э.) «всех, кто не взыскует добродетели, он обзывает врагами, ненавистниками, рабами и чужаками друг другу, будь это даже родители и дети, братья или домочадцы». Зенон утверждал общность жен, требовал отменить деньги. (Кн. VII. 33-34)

Стоики считали побуждение основным мотивом деятельности человека, определяющим его нравственность. Среди побуждений любого живого существа они ставят на первое место самосохранение, а не стремление к наслаждению как это делали эпикурейцы. В трактате «О человеческой природе» Зенон утверждает, что **«конечная цель жить согласно с природой, и это то же самое, что жить согласно с добродетелью: сама природа ведет нас к добродетели»**. (Кн. 7. 87)

В период эпохи Возрождения и Просвещения этот тезис Зенона будет горячо подхвачен мыслителями того времени и остается популярным до нашего времени. В целом он представляется верным за исключением одного момента, необходимо отделять близость к природе от уподобления человека животному. Человек с его культурой, научными и военными знаниями уже не имеет права приравнять себя к животному и жить такими же инстинктами. Тем более, что Дарвин доказал, что в природе господствует целесообразность, а не добродетель.

Стоики считают мудреца бесстрастным, не подверженным скорби, свободным. «Он не только свободен, но и царь, ибо царствование есть неподотчетная власть, а она существует лишь для мудрых». (122)

«Мир по их учению подвержен гибели, как все, имеющее начало».
(141)

Хрисипп (281/278 – 208/205)

Современные философские словари и учебники сообщают, что этот философ был вторым по значению после Зенона в ряду философов-стоиков. Они отмечают его заслуги в разработке вопросов логики, напоминают о том, что он был известным спортсменом, но, почему-то обходят молчанием очень характерные его взгляды на нравственность, о которых пишет Диоген Лаэртский: «Иные порицают Хрисиппа за то, что многое у него написано гадко и непристойно. Так в сочинении «О древних философах природы» он выдумывает такие гадости про Геру и Зевса и целых 600 строк пишет такое, чего никому не повторить, не замарав рта... А в сочинении «О государстве» он позволяет сожительствовать и с матерями, и с дочерьми, и с сыновьями... А в III книге «О справедливости», около 1000 строки, он даже повелевает поедать покойников». (Д.Л. Книга VII, 188)

В этическом учении стоиков любовь к юношам относилась к сфере безразличного (для достижения высшего блага). [Зенон Китийский](#) утверждал: «Сходиться с мальчиками следует не больше и не меньше, чем с немальчиками, а с женщинами — так же, как с мужчинами». Впрочем, сам Зенон предпочитал юношей^[245]. По его мнению: «бог Эрот — это приуготовитель дружбы, свободы и даже единомыслия, но не чего-то иного».

3. Человек – животное

Среди философов Греции, которые призывали к единению с природой, были такие, которые в своем поведении начинали уподобляться животным.

Диоген Синопский (412-323)

Отрицание культуры как системы условностей, придуманных человеком и тяжкими цепями сдерживающими его природу, нашло наиболее яркое выражение в философии и жизни Диогена Синопского. «Однажды Александр подошел к нему и сказал: «Я – великий царь Александр». – «А я, - ответил Диоген, - собака Диоген». (60) Современники называли его «сумасшедший Сократ». Вслед за своим учителем Антисфеном он считал, что собственность, семья, государство, религия вредные выдумки людей. В соответствии с таким мировоззрением он и жил. Его домом была глиняная бочка, свои естественные потребности он отправлял на виду у людей.

Диоген и его последователи называли себя киниками, что в переводе с древнегреческого и означает «собака», а сегодня звучит как «циник». Философскую школу киников в науке относят к сократическим школам, но в ней учение Сократа о добродетелях извращено до неузнаваемости. Философы – киники довели представления о человеке до абсурда, уничтожив «условности», как говорили тогда и сейчас, они уподоблялись животным в своём поведении. Диоген Лаэртский сообщает о нем: «Ко всем он относился с язвительным презрением». (Кн. VI. 24. Особенно часто он

нападал со злословием на Платона. В юности Диоген вместе с отцом «портили монету», то есть были фальшивомонетчиками, за что их изгнали из родного города. «Рукоблудствуя на глазах у всех, он приговаривал: «Вот кабы и голод можно было унять потирая живот!» (Там же. 46) «Природа была для него ценнее, чем обычай». (71)

«Он говорил, что жены должны быть общими, и отрицал законный брак: кто какую склонит, тот с тою и сожительствует; поэтому же и сыновья должны быть общими.

Нет ничего дурного, чтобы украсть что-нибудь из храма или отведать мяса любого животного; даже питаться человеческим мясом не будет преступно...» (Там же. 72-73) «Он пытался есть сырое мясо, но не мог его переварить». (34) «На вопрос, откуда он, Диоген сказал: «Я – гражданин мира». (63)

Цинизм Диогена во взглядах на жизнь через много столетий был подхвачен нигилистами, анархистами и представителями «модных» течений современной философии.

Человек – животное, живущее для удовольствий

Основателем такого течения в философии, которое нравилось и нравится многим людям - философам, но особенно тем, кто не обременяет себя поиском смысла в этой жизни, а просто живет, стараясь получить удовольствие, был Эпикур (342/41 – 271/270), который учил, что человек должен стремиться к счастью и наслаждению путём уклонения от страданий.

Среди «гуманистов» эпохи Возрождения наиболее популярной была именно его философия. Личность и учение этого философа очень противоречивы, о чем свидетельствует Диоген Лаэртский. В первой части своего сочинения об Эпикуре он сообщает, о последнем, самые отрицательные сведения: «бесстыдный самосец, невежественнейший меж смертных», говорит о существовании «50 писем развратного содержания». «Будто Эпикура дважды в день рвало с перекорму...», а сам он отрицательно отзывался о Платоне и Аристотеле. Заключает перечисление негативных данных об Эпикуре Диоген Лаэртский следующими словами: «Но все, кто это пишут не иначе как сумасшедшие».

Зная об отношении к Эпикуру деятелей Возрождения, мы можем предположить, о том, что последняя фраза могла быть добавлена переводчиками, чтобы не ронять авторитет любимого философа.

В комментарии к статье Диогена Лаэртца об Эпикуре, ныне покойный академик А.Ф. Лосев написал: «Нужно сказать, что учение это, (об атомах души) после того что проделала греческая философия до Эпикура, является чересчур беспомощным». (С. 547) Эпикур материалист и объясняет душу как субстанцию, состоящую из атомов особого рода. А.Ф. Лосев пишет, что атомистская теория Эпикура в изложении Диогена запутана и не понятна. В другом месте комментируя Диогена Лаэртца, А.Ф. Лосев отмечает: «Правда в Эпикуре он видит мошенника, который будучи

учеником Демокрита (X 2), выдавал учение последнего об атомах, как и учение Аристиппа об удовольствиях, за свое (I 4)...» (С. 16)

После такого авторитетного заключения о философии Эпикура, обвинения в невежестве, предъявленные ему современниками, не кажутся абсурдными.

От себя добавим, что этика Эпикура также убога и поверхностна. Его высказывания о человеке зачастую не просто противоречивы, но и несут в себе потенциальное зло. Диоген Лаэртций сообщает, что «в сочинении «О конечной цели» он пишет так: «Не знаю, что и помыслить добром, как не наслаждение от вкушение, от любви, от того что слышишь, и от красоты, которую видишь». Перед нами истоки современного прагматизма. Добро не существует как идеал, к достижению которого нужно стремиться, совершенствуясь, оно конкретно, весьма незначительно и легко достижимо: хорошая еда и выпивка, доступная любовь, к красивой женщине в сопровождении приятной музыки или стихов.

Вот что пишет Эпикур к Пифоклу, «цветущему мальчику»: «От всякого воспитания, радость моя, спасайся на всех парусах» (С. 398) Такие же слова через две тысячи лет будет говорить маркиз де Сад. «Вершиной» этических взглядов Эпикура будет отрицание им семьи, деторождения и любви между мужчиной и женщиной. В качестве лекарства от нее эпикурейцы рекомендовали непостоянство.

Диоген Лаэртций в заключение своего сочинения об Эпикуре приводит «его «Главные мысли», которые сами по себе весьма противоречивы и позволяют толковать их так, как это представляется наиболее приемлемым с субъективной позиции философа. «140. V. Нельзя жить сладко, не живя разумно, хорошо и праведно; и нельзя жить разумно, хорошо и праведно, не живя сладко...» С позиций Сократа или Христа сладкая жизнь не совместима с добродетельной. Возражения о том, что под сладкой жизнью имеется ввиду жизнь духовная, разбиваются следующим его тезисом: (141. VIII.) «Никакое наслаждение само по себе не есть зло; но средства достижения иных наслаждений доставляют куда больше хлопот, чем наслаждений». В свете этого высказывания считать гедонизм извращением учения Эпикура некорректно.

В уме Эпикура родились и фантастические мысли о «естественном праве» и «общественном договоре», которые так понравились философам и революционерам Нового времени: «XXXI. Естественное право есть договор о пользе, цель которого не причинять и не терпеть вреда».

«XXXIII. Справедливость не существует сама по себе; это – договор о том, чтобы не причинять и не терпеть вреда, заключенный при общении людей и всегда применительно к тем местам, где он заключается».

Истории неизвестны, какие-либо договоры, обосновывающие принципы нравственных отношений между сильными – правителями и слабыми – подданными, зато в законах Хаммурапи или Моисея очень ясно выражен запрет обижать вдову и сироту, старика и больного, то есть

слабого. Сильный в своем господстве над слабым, с глубокой древности опирался не на договор, а на «право сильного» и устанавливал справедливость в своем государстве на основе обычаев и религиозных верований.

Идея «Общественного договора» нужна была европейским революционерам, чтобы обвинить вначале короля Англии Карла I, а через сто пятьдесят лет короля Франции Людовика XVI в его нарушении и придать их казни видимость законности.

В период Римской империи учение Эпикура и его последователей, полностью переродилось в гедонизм – стремление к чувственным удовольствиям, когда эпикурейством стали объявлять всякое распутство. Эпикурейство, начиная с эпохи Возрождения, явилось основой для развития материализма и атеизма, разрушало основы христианской нравственности путем отрицания семьи и ее ценностей и провозглашения чувственных наслаждений главной целью человека. Фактически оно проповедовало возврат к языческой морали. Попытки современных философов придать эпикурейству интеллектуальный характер то же самое, когда они порнографию де Сада, взявшего у Эпикура мысли для своих рассуждений, представляют как плод великой гуманистической философии.

Живущий для собственного блага

Первая часть фразы философа Протагора: «Человек есть мера всем вещам – существованию существующих и несуществованию несуществующих» (Д.Л. К. 9. 51) стала девизом философов индивидуализма многих направлений современности в особенности экзистенциализма. Они были сказаны философом Протагором - основателем школы софистов. Слово «софистэс» означало знатока, мастера, художника, мудреца. Но мудрость софистов была особого рода, так как они искали не истину, а добивались победы в споре. Особенно прославились софисты своими победами в судах, где убедительно доказывали судьям, что черное это белое, а белое черным. Такая беспринципность софистов породила к ним негативное отношение.

Протагор родился около 500 года до н. э. в Абдерах - в городе, из которого был родом Демокрит. Он дважды посетил Афины. Существует предание, что Протагор был подвергнут судебному преследованию за нечестие, он написал книгу "О богах", которая начиналась так: "О богах я не умею сказать, существуют ли они или нет и каковы они по виду. Ведь много препятствий для знаний - неясность дела и краткость человеческой жизни". Зрелая жизнь Протагора была проведена в непрерывном турне по городам Греции, во время которого он обучал "всякого, кто жаждал практического успеха" и первым стал брать за это деньги.

В греческой философии родилось направление, ставившее в человеке на первое место духовность, которая лежала в основе его гуманизма. Сократ обвиняет сограждан в том, что они заботятся о богатстве и славе, которые не делают человека лучше, а не о собственной душе, которая становится совершеннее благодаря воспитанию добродетелей, поэтому сущность

человека определяется его отношением к согражданам и государству. Против гуманистических проповедей Сократа выступили все, кто был ими не доволен. Его ученик Платон продолжил учение Сократа. Только он думает не о совершенствовании отдельного человека, но всего государства. В идеальном государстве Платона люди подчиняют свои интересы интересам общества. Для того, чтобы не дать должностным лицам возможность использовать власть для личного обогащения, он не находит ничего иного как лишить их собственности и семьи. Сегодняшние либералы обвиняют Платона в создании модели тоталитарного государства, в том, что «его цитировали Гитлер и Сталин». Как раз в этом его обвинять нелепо. Заботой Платона была не личная корысть, а всеобщее благо и не его вина, что эти идеи были использованы не теми людьми, которым предназначались. Аристотель, не менее гениальный, чем два его великих предшественника продолжил их гуманистическую традицию, хотя и не был согласен с Платоном по ряду позиций. В их числе были разногласия по отношению к собственности, общественному воспитанию детей и семье. Он придал идеям Сократа о добродетелях научный характер и создал науку этику. Но может быть, самым главным открытием была развитая им идея Платона о благодати бога, в которой он выдел любовь, как средство управления миром. Идеи трех великих мудрецов язычества: о человеческих добродетелях, о служении общему благу и любви взрывали изнутри языческое мировоззрение, делавшее насилие главным в отношениях людей, расчищая дорогу новому пониманию мира, которое принесет «новый человек» Иисуса Христа.

Еще одно обвинение предъявляют этим мудрецам наши современники, которое состоит в том, что они отрицательно отзывались о демократии. Не вдаваясь глубоко в причины их недовольства той древней демократией, можно только восхищаться их прозорливостью, тем, что они смогли увидеть ее несовершенство и лицемерие. Наши современники оценивают афинскую демократию во времена Перикла как образец для подражания, но Аристотель оценивал ее совершенно иначе и считал, что к управлению государством должны допускаться люди не по жребию, а по способностям. Это со всей очевидностью проявляется в наше время, когда либеральная демократия защищает интересы собственников с гораздо большим рвением, чем интересы людей наемного труда. Формы волеизлияния народа, которые существовали в Афинах в их времена, больше напоминали «охлократию», власть толпы, которой можно легко манипулировать в интересах не многих людей.

Подведём итоги противоречивым представлениям о человеке, родившихся в умах греческих философов:

1. Человек – духовное существо, которое должно стремиться к добродетели и совершенствованию.

2. Служение добродетели, но не людям – основная задача человека

3. Человек - это животное, которое должно жить согласно с природой: его назначение заключается в стремлении к удовольствию и собственному благу

Несмотря на древность эти представления, изменяясь по форме, остаются неизменными по содержанию до наших дней.

4 Любовь в Древней Греции

Языческое отношение к сексу

Современные атеисты-либералы отстаивают сексуальную свободу, апеллируя к нравам народов древности. При этом они не хотят брать во внимание, что древние народы имели наряду с сексуальной, много других свобод, так они занимались каннибализмом, зоофилией, некрофилией, садомазохизмом, кастрировали мужчин, сдирали с людей кожу, прибивали к кресту, ломая голени ног, и совершали много такого, что у нормального человека ничего кроме омерзения не вызывает. Впрочем, маркиз де Сад в своих безумных писаниях все перечисленное считает дозволенным.

Мы уже говорили, что язычник видел свою неразрывную связь с природой, поэтому все, что относилось к продлению рода – зачатие и рождение носило сакральный характер и рождало священные ритуалы. Даже органы размножения получили культовое оформление в виде поклонения мужскому и женскому началу, которое было распространено у многих языческих народов: от величественного Рима до диких джунглей. Поклонение фаллосу было обыденным явлением. Просвещенные греки и римляне устанавливали у полей, дорог и внутри жилых домов квадратный столб с головой бородатого мужчины наверху и с эрегированным пенисом посередине что, по их мнению, должно было отпугивать злых духов и приносить удачу. Велика симпатия к фаллосам у индусов, которая воплощена в тысячах лингамов, к которым приходят ежедневно миллионы поклонников.

Гомосексуализм был распространен, наверное, у многих, если не у всех народов мира. Причиной его, видимо, было то, что сакрализованные гетеросексуальные отношения требовали соблюдения традиций и табу, в то время как, первый обходился без них и служил легким способом освобождения от сексуального напряжения, поэтому к нему и относились как обычной, бытовой форме половых отношений. Кроме того, акт гомосексуализма в отношении поверженного противника символизировал победу над ним и торжество победителя.

Сторонники половой распущенности во все времена в нравах древних греков черпали оправдание своим извращенным наклонностям, доказывая на примерах из произведений авторов того времени широкое распространение однополой любви.

Гомосексуальная любовь в Греции

Мы упоминали, что у язычников любви как высокого духовного чувства между мужчиной и женщиной не существовало. Люди знали любовь, но представляли ее, прежде всего, как эротическое влечение, в котором зов плоти заглушает все доводы разума. Для удовлетворения «либидо», как

говаривал З. Фрейд, они считали допустимыми все виды сексуальной разрядки, поэтому в древности были приемлемыми все виды мыслимого и немислимого секса: мастурбация, гомосексуализм, садомазохизм, инцест, педофилия, лесбиянство, зоофилия, некрофилия и все, что они могли придумать. Не существовало ни религиозных, ни нравственных ограничений для удовлетворения животных инстинктов. Однако не следует думать, что все греческие философы единодушно одобряли сексуальную невоздержанность. Подавляющее большинство из них считало неприемлемыми большинство видов перечисленного секса, за исключением гомосексуализма. Если внимательно проследить их взгляды на сексуальную жизнь в течение 500 лет от V в. до н.э. до I н.э., то мы увидим явную эволюцию от полного одобрения однополый любви до ее осуждения.

В сексуальной распущенности греков виноваты их боги. Мифы повествуют о том, что Зевс, Аполлон, Геракл были самыми неукротимыми гомосексуалистами, хотя могли так же страстно любить и женщин. А Зевс отличался еще и тем, что, добываясь взаимности от женщин, он принимал образ животного, то быка, а то и лебедя, что называется зоофилией. Изобретателем любви к мальчикам по одной из легенд был легендарный Орфей, который потеряв Эвридику, обратил внимание на них.

В некоторых греческих государствах: [Спарте](#), [Фивах](#) или на [Крите](#) гомосексуальные связи были общепринятыми. В надписи с Крита, относящейся примерно к 700 г. до н. э., зафиксировано личное имя Педофил, видимо от него произошло название современной педофилии. В Спарте был обычай, что у лучших юношей должны были быть любовники, и «даже достойные и благородные женщины любили молодых девушек». За проступки юношей наказывали их любовников. С другой стороны, плохая репутация любовника могла бросить тень и на юношу.

Греческие атлеты состязались обнаженными начиная с XV Олимпиады ([720 г. до н. э.](#)), а занимались обнаженными на Крите и в Спарте ещё раньше. Обычай обнажаться в гимназиях считали важной причиной распространённости любви к юношам. Первые упоминания о любви к юношам в Аттике относятся к времени Солона (рубеж VII—VI веков до н. э.). В [Афинах](#) отношение к таким связям было противоречивым. С одной стороны, любовь к юношам широко практиковалась; с другой же стороны, пассивная, «женская» роль в половом акте считалась позорной и недостойной свободного гражданина. В Афинах существовал закон, лишавший гражданской чести (то есть значительной доли гражданских, прежде всего политических, прав) того, кто «отдавал свое тело в разврат».

В этическом учении стоиков любовь к юношам считалась нормальным явлением и не влияла на достижение добродетелей. [Зенон Китийский](#) утверждал: «Сходиться с мальчиками следует не больше и не меньше, чем с немальчиками, а с женщинами — так же, как с мужчинами» (Юстин. Эпитома Помпея Трога XXX 1, 7) Впрочем, сам Зенон предпочитал юношей. (Секст Эмпирик. Пирроновы положения III 245, пер. А. А.

Столярова) [Хрисипп](#) в трактате «О государстве» считал допустимым сожительствовать «и с матерями, и с дочерьми, и с сыновьями» ¹(Афиней. Пир мудрецов XIII 561с, пер. А. А. Столярова). Феодор, прозванный Безбожником, полагал, что «любить мальчиков мудрец будет открыто и без всякой оглядки» (Диоген Лаэртский X 5).

Сократ говорил: «У нас принято думать, что из красоты и знаний можно делать равно и благородное и гнусное употребление. Так, красоту если кто продает за деньги кому угодно, того обзывают распутником; а если кто знает, что его любит человек благородный, хороший и делает этого человека своим другом, то мы считаем его нравственным». Некоторые авторы считают Сократа апологетом любви к юношам, но это, по всей видимости, не так. В диалогах Платона Сократ отстаивает преимущество духовной любви к мальчикам перед телесной. О безуспешных попытках его ученика красавца Алкивиада соблазнить Сократа рассказано в диалогах Платона «Пир» и «Алкивиад I», причем сюжетное содержание не даёт оснований считать их исключительно художественным вымыслом. У Ксенофонта содержится рассказ об отношении Сократа к любви между своими учениками - будущим тираном Критием и другим его учеником Евтидемом. Сократ прилюдно называет желание Крития подобным желанию свиней. По словам Эсхина, «бескорыстно делить с кем-нибудь его любовь — это прекрасно, а соглашаться за плату заниматься проституцией — это позор». Тимарх (известный деятель Афин) был признан виновным в торговле телом и повесился. Комедии Аристофана (445-385 г. до н.э.) полны обвинений различных граждан и даже всей публики в гомосексуальном разврате, для чего используется уничижительный эпитет «широкозадый» (в русских переводах часто «толстозадый»).

Платоническая любовь

Велик гений Платона. В постановке многих проблем он намного опередил свое время, так произошло и в оценке любви. В диалоге Пир Платон говорит о том, что существует любовь земная, пошлая — любовь к телу, когда любят тех, «кто поглупее, заботясь только о том, чтобы добиться своего, и не задумываясь, прекрасно ли это». (Пир. 181 b) Но существует и любовь небесная, духовная, которая заставляет человека становиться лучше, любить мудрость и добродетель, «кто любит за высокие нравственные достоинства, тот останется верен всю жизнь, потому что он привязывается к чему-то постоянному». (Пир. 183, e) Однако, направлена такая любовь на юношей. Это свидетельствует не о распущенности философа, а отражает интеллектуальное состояние общества. Женщина в Греции в те времена не могла претендовать на роль подруги для своего мужчины. Запертая в стенах гинекея, она стояла гораздо ниже его по уровню образования, широте кругозора, а, следовательно, и интеллекта. Только гетеры, получавшие хорошее эстетическое образование и развивавшие свой интеллект, благодаря широкому кругу общения с мужчинами, становились такими подругами.

Но в конце жизни Платон приходит к пониманию великого значения гетеросексуальной любви. В своем последнем произведении «[Законы](#)» он объявил, что, если гетеросексуальные отношения «уделены нам от природы» для рождения детей, то «соединение мужчины с мужчиной и женщины с женщиной — противоестественно и возникло как дерзкая попытка людей, разнузданных в удовольствиях». Подобное утверждение он сделал, видимо, впервые в истории (запреты существовали и раньше, но без ссылок на понятие природы). Виновниками подобного «извращения природы» Платон считает обычаи, прежде всего спартанские и фиванские, а также гимнасии. (Законы 636, b,e,d)

В «Никомаховой этике» [Аристотель](#), рассматривая вопрос о чрезмерности наслаждения, говорит о вещах, доставляющих удовольствие по природе, и трех видах удовольствия не по природе (в силу уродств, привычек или испорченности естества). Про любовные наслаждения с мужчинами он пишет: «Ведь у одних это бывает от природы, у других — от привычки, как, например, у тех, кто с детства терпел насилие. Тех, у кого причиной [известного склада] является природа, никто, пожалуй, не назовет невоздержным, как, например, женщин за то, что в половом соединении не они обладают, а ими, [как и невоздержным владеет влечение]; соответственно обстоит дело и с теми, кто находится в болезненном состоянии из-за привычки» (Аристотель. Евдемова этика III 1; VII 3, 10, 12; Никомахова этика VIII 3, 5, 10; IX 1). Задолго до З. Фрейда Аристотель делает открытие, что у детей, которые в детстве подверглись насилию, может остаться привычка к гомосексуализму. Современные защитники толерантности в сексуальной сфере не хотят замечать существования такой проблемы.

Осуждение однополрой любви

Император Август одним из первых увидел разрушительные последствия для государства однополрой любви. Он издал законы, призванные укрепить институт семьи, брака и воспитания граждан Рима. Если великие философы Греции Сократ, Платон и Аристотель только подошли к пониманию противоестественности однополрой любви то философы-платоники и неоплатоники через 400-500 лет после них вступают в борьбу с традициями такой любви, объявляя ее недопустимой. Они увидели, что однополрая любовь является громадным препятствием не только для рождения детей, но и их воспитания. Вместо теплых человеческих отношений в семье она прививает детям разрушительные животные инстинкты, так как они совсем в юном возрасте начинают подвергаться домогательствам взрослых и вместо детских игр вовлекаются в сексуальный разврат.

Современные проповедники гомосексуализма объявляют христианство ответственным в гонениях на сторонников однополрой любви, однако, это не так. Осуждение ее началось за несколько веков до того как

христианство стало господствующей религией в Римской империи. Одними из самых ярких ее противники был платоник Плутарх и неоплатоник Плотин.

Одной из любимых идей Плутарха была мысль, что женщины не менее достойны любви, чем юноши, так как также бывают отмечены различными добродетелями. Он даже написал трактат «О доблести женской», в котором рассказал о женщинах разных народов, совершивших подвиги, по героизму и мужеству не уступающие мужчинам, доказывая преданность супружескому долгу.

Заботой об укреплении молодой семьи проникнуто его «Наставление супругам». И, наконец, гимном любви мужчины и женщины, семьи является его диалог «Об Эроте». Он пишет: «Нелепо, как я уже сказал, утверждать, что женщинам вообще чужда добродетель. Надо ли говорить, в частности, об их скромности и рассудительности, об их верности и справедливости, если многие из них показали замечательные примеры мужества, героизма и величия духа? Но, не отрицая их прекрасной природы во всем, отказывать им в способности в дружбе и вовсе дико.

Женщины глубоко любят своих детей и супругов, их добросердечность – благодатная почва для дружбы, доверия и приязни... Нет большей радости, более постоянной привязанности, столь светлой и завидной дружбы, как там, «Где однодушно живут, охраняя домашний порядок, муж и жена». (Об Эроте. 23, 24)

Мудрец-неопифагореец Аполлоний Тианский, согласно его биографу Филострату, осуждал «обабившихся красавчиков». (Филострат. Жизнь Аполлония Тианского IV 2). Поздние стоики тоже переходят на позицию осуждения однополой любви. По словам Эпиктета: «Что теряет терпящий действия извращенного? Мужчину. А действующий? Много и другого, но и сам тоже ничуть не менее мужчину».

Порфирий рассказывает, что «когда ритор Диофан стал читать апологию Алкивиада на Платоновом пиру, рассуждая, будто для научения добродетели следует отдаваться наставнику, ищущему любовного соития», философ Плотин был крайне возмущен и поручил Порфирию написать опровержение, что тот и сделал. (Порфирий. Жизнь Плотина 15, пер. М. Л. Гаспарова) В трактатах Плотина многообразной эротической терминологии, восходящей ещё к ранней лирике, придан смысл вполне бесплотной «небесной» любви. По его словам: «те, кто в погоне за собственным благом любит страстно, часто убивают любимых, если они смертны» (Плотин III 2, 17, пер. Т. Г. Сидаша) «Истинный предмет нашей любви — Там, с Ним мы можем быть, любить Его, и, участвуя в Нем, сущностно обладать, не завертывая Его во взятую извне плоть» (Плотин VI 9, 9, пер. Т. Г. Сидаша.) Чувственный космос Плотин сравнивает с прекрасным юношей, созерцание которого должно помочь восхождению к Первоединому. О нём же Плотин говорит так: «Сила Всего есть цветок красоты, Красота, творящая красоту» (Плотин III 8, 11).